

А. Е. Малюкевич

МОЛОГА – САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПОЗДНИХ СКИФОВ БУДЖАКА

Впервые публикуется весь комплекс материалов позднескифского святилища I-III вв. н.э. Дается характеристика алтарей, культовых ям и ям с ритуальными погребениями собак. Проводится сравнительный анализ моложского святилища с подобными комплексами Нижнего Поднепровья, Крыма и фракийскими памятниками. Дается новая интерпретация ранее исследованным поселениям, которые трактуются как святилища и включаются в сферу позднескифских древностей.

Ключевые слова: поздние скифы, святилище, алтарь, культовая яма, жертвоприношение.

В первой четверти I тыс. н.э. в Северо-Западном Причерноморье обитало земледельческое население со специфической культурой, которую большая часть исследователей интерпретирует как позднескифскую. Ранее было выделено два района обитания поздних скифов: в Крыму и на Нижнем Днепре [Шульц, 1971]. Существование позднескифских памятников в Нижнеднестровском регионе впервые установлено раскопками поселения и могильника Молога-II на Днестровском лимане [Гудкова, Фокеев, 1982; Малюкевич, 1989; Малюкевич, 1991, с. 71].

Поселение и могильник I-III вв. н.э. Молога II расположены в Одесской области Украины на правом берегу Днестровского лимана в 15 км к северу от Тиры (рис. 1, 1). Характер поселения и каменного домостроительства, погребальные сооружения, погребальный обряд, состав керамического комплекса и, особенно, лепной керамики уверенно сближают поселение и могильник Мологи с кругом памятников позднескифской культуры [Гудкова, Фокеев, 1982, с.109; Малюкевич, 1989,

с.79; Малюкевич, Гудкова, 2013]. Наряду с этим отмечались, как сильная эллинизация, так и присутствие в Мологе отдельных элементов сарматского и, в большей степени, -фракийского этноса [Малюкевич, 1992, с. 30-32; 1993, с.100].

Поселение. На поселении превалирует каменное домостроительство. Стены возводили из необработанного камня-известняка и мелкого бута с глиной на всю высоту, или из глины, но на каменном основании. Каменные стелили насухо, а стены укрепляли обмазкой, иногда покрывали побелкой. Полы в домах глинобитные, но на некоторых участках полов и на придомовой территории выстилали каменные вымостки. К особенностям строительного дела в Мологе относятся находки каменных тесаных порогов, подпятников под поворотные столбы дверей, подтесанные Г-образные угловые камни стен, подквадратные выборки для крепежных балок.

Раскопаны также два каркасно-глинобитных строения и восемь полуземлянок, часть из них использовалась как жилища, а некоторые при обрядовых церемониях на святилище [Малюкевич, 1995; 1999]. Кроме того, на поселении Молога существовали плотно застроенные, обособленные усадьбы, в которых жилые и хозяйственные помещения, иногда с маленькими двориками, располагались вокруг центрального двора обычно в ряд, или Г-образно. Дома были двух- и четырех-камерные. Помещения были одинаковой ширины и имели выход во двор.

Могильник. Моложский могильник был расположен на правом берегу древнего оврага, отделяющего его от центра святилища и поселения (рис. 2). На могильнике раскопа-

© А.Е. МАЛЮКЕВИЧ, 2015

1

2

Рис. 1. Святилище Молога.

1 – Географическое месторасположение памятника Молога II. 2 – Вид на площадь святилища Мологи со стороны лимана

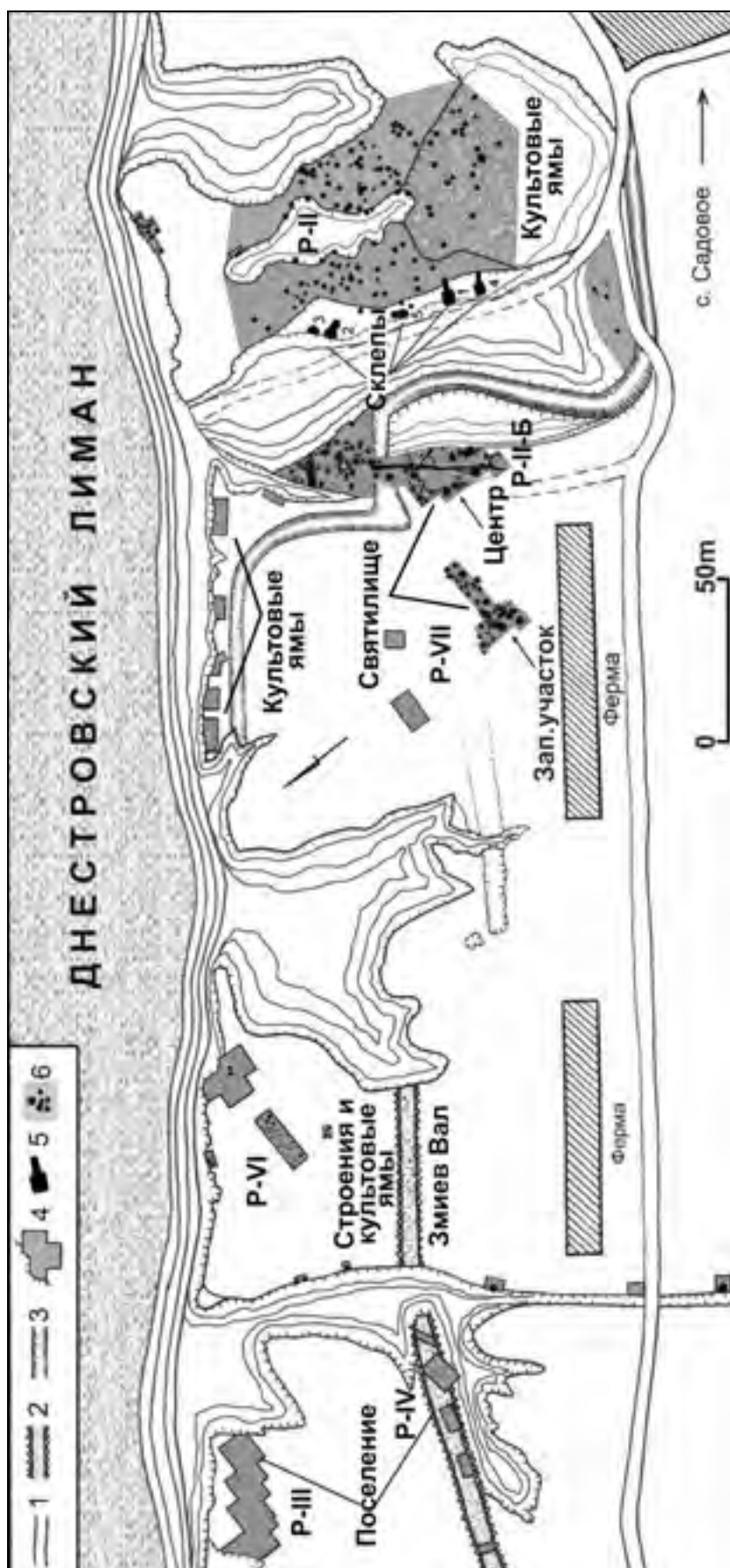

Рис. 2. Картограмма раскопок поселения, могильника и святилища Молога II. Условные обозначения: 1 – дороги; 2 – земляной вал V в. н.э.; 3 – современный вал; 4 – раскопки; 5 – грунтовые склепы; 6 – культовые ямы

но пять земляных склепов с коллективными захоронениями от четырех до восьми погребенных. Вокруг склепов обнаружен комплекс культовых ям и две полуземлянки. На противоположной стороне оврага, на территории святилища, производились только одиночные захоронения в грунтовых могилах, а так же погребения взрослых и детей в ритуальных ямах, и погребения младенцев в неглубоких ямках. [Малюкевич, 1993; 1994 а; Писяжнюк, Малюкевич, 2001].

Склепы представляют собой подпрямоугольные или округлые в плане сводчатые камеры. С юго-востока от камер располагались вытянутые прямоугольные входные ямы с наклонным дном. Только в склеп № 5 вел входной колодец, расположенный с северо-восточной стороны [Малюкевич, 1989, с. 79]. Вход в камеру оформлялся ступенькой и был закрыт каменным закладом или плитой. На внутренней стороне закладной плиты склепа № 4 был нарисован охрой круг. Захоронения в склепах совершались в течение длительного времени, но при последующем захоронении нарушали более ранние погребения.

Все погребения в склепах совершены в вытянутой позе на спине, с руками, уложенными вдоль тела. Иногда, кисть одной или обеих рук покоятся на тазе, ноги бывают перекрещены в щиколотках или лежат “ромбом”. Преобладает ориентировка головой на юго-восток, но в склепе № 2 умершие уложены “валетом”. В отдельных случаях умерших клали на подстилку из коры дерева или кошму, закрывали кусками коры, обкладывали досками или заворачивали в кошму (рис. 3, 11, 13).

Погребальный инвентарь состоит из украшений, принадлежностей одежды, предметов туалета, амулетов, мелких орудий труда, керамических сосудов, включая лепные ладьевидные светильники. Из оружия засвидетельствованы железный кинжал и железный наконечник стрелы. Южнее склепов располагалось детское кладбище. Так, рядом со склепом № 4 обнаружено два захоронения младенцев в неглубоких ямках (рис. 3, 5). Еще три детских захоронения были разрушены в одном из дворов села. В жертвенной яме № 87 было обнаружено погребение ребенка в сопровождении двух собак (рис. 3, 10).

На левой стороне оврага в районе святилища среди комплекса ритуальных ям открыты четыре грунтовые могилы. В трех могилах были погребены взрослые мужчины (рис. 3, 6, 12), еще в одной захоронение девочки со стелой в головах и частичным расчленением костяка (рис. 3, 4). [Малюкевич, 1993, с. 97]. Четыре захоронения были совершены в жертвенных ямах. Видимо, с ритуальными действиями связано захоронение подростка с черепом и передней частью туши лошади, черепами овцы и собаки в яме № 64. Погребен-

ный лежал на спине на кошме, а левая половина туловища была перекрыта целой тушей козла (рис. 3, 3). Младенец в яме № 7 был захоронен вместе с собакой, а выше него для охраны положили еще одну собаку (рис. 3, 1-2) [Малюкевич, 2006, с. 142].

Особого внимания заслуживают погребения ритуально разрушенных останков людей и их частей. Вероятно, практиковалось расчленение двух видов: в момент погребения или перед ним, а позже и во вскрытой могиле после того, как связки на костях уже истлели. Так в жертвенной яме № 157 сопровождении костей животных был погребен взрослый, с телом которого был произведен обряд ритуального разрушения костяка (рис. 3, 8). Такой же обряд прослежен и в яме № 2 на раскопе VI-3. Здесь обнаружена (in situ) нижняя часть ноги со ступней взрослого человека в сопровождении собаки (рис. 3, 14). Между жертвенными ямами найдено погребение новорожденного младенца в нижней части красноглиняного кувшина на воронковидном поддоне (рис. 3, 9). Еще одно захоронение новорожденного было обнаружено в небольшом углублении, перекрытом стенками красноглиняной амфоры (рис. 3, 7).

Погребения Мологи можно разделить на шесть типов:

I – пять грунтовых склепов с коллективными погребениями, в которых зафиксировано 26-28 захороненных, из них четыре детских;

II – четыре погребения в простых грунтовых могилах с каменными закладами (среди них одно детское частично расчлененное с каменной стелой, которой служил или якорь, или противовес винодельческого пресса);

III – пять погребений младенцев в небольших грунтовых ямках;

IV – три захоронения детей в сопровождении собак в больших ритуальных ямах;

V – два расчлененных погребения взрослых в сопровождении собак и части человеческого черепа в ритуальных ямах;

VI – два захоронения младенцев, одно в разбитом кувшине и одно в ямке под амфорными черепками. Итого 42 погребенных и несколько отдельных костей человека в жертвенных ямах.

Обряд захоронений в Мологе находит ближайшие аналогии на позднескифских некрополях Нижнего Днепра, Крыма и Нижнего Днестра (Никоний) [Вязьмитина, 1972, с. 159; Бабенчиков, 1957, с. 120-121; Сымонович, 1983, с. 28-58; Пуздровский, 2007; Бруяко и др., 2008, с. 81-164]. Все могильники грунтовые, где погребальными сооружениями, при количественном преобладании склепов, служили склепы-катакомбы, простые ямы и ямы с подбоями. Одинаковы и конструкции склепов, и обряд коллективного захоронения в

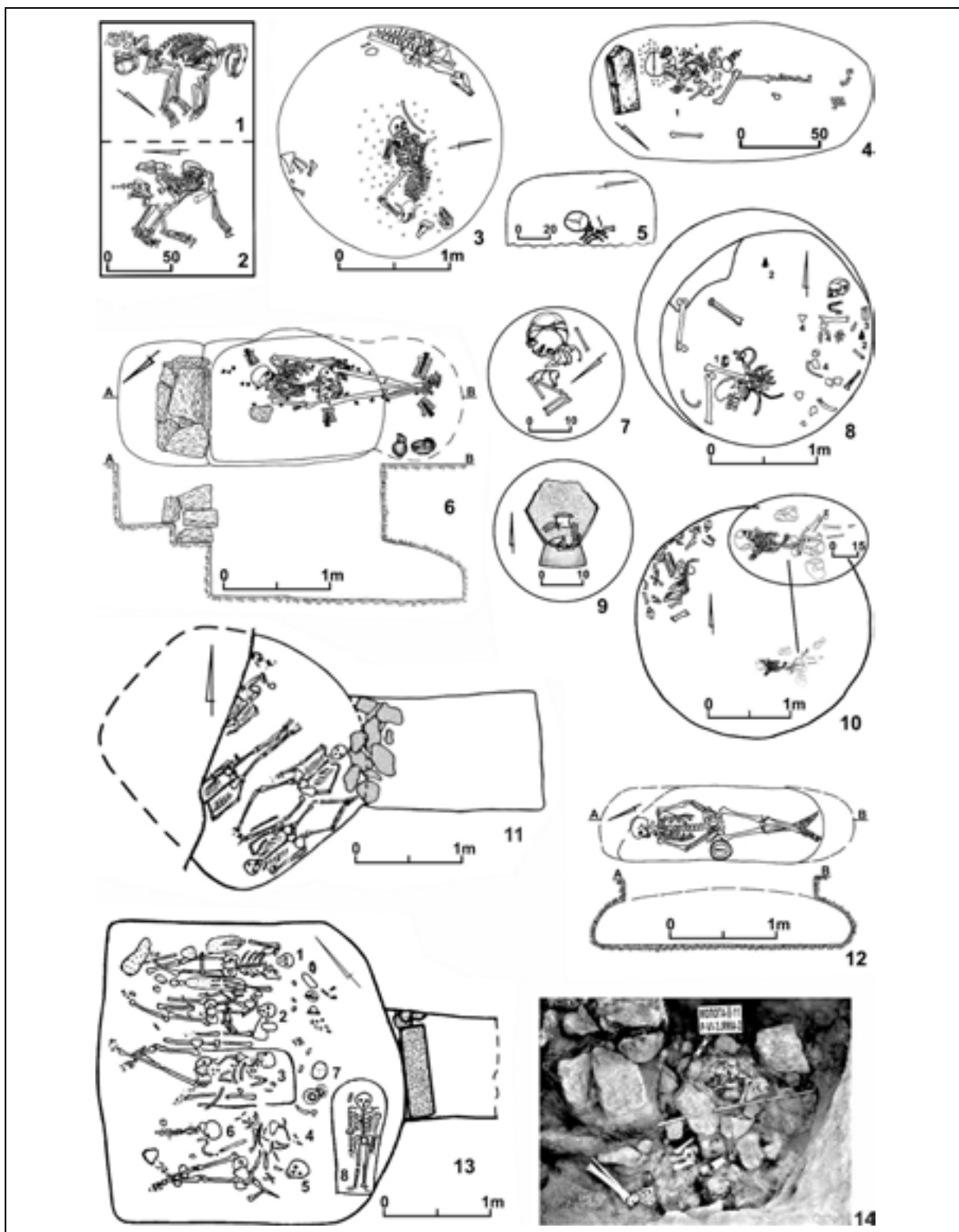

Рис. 3. Типы погребений в Мологе.

1 – погребение младенца №15 в сопровождении собаки №1 в яме №7; 2 – костяк собаки № 2, перекрывававший погребение младенца № 15 в яме №7; 3 – погребение № 7 подростка в яме № 64, перекрытое тушей козла и в сопровождении передней части тулова лошади, головы овцы и черепа собаки; 4 – погребение девочки № 9 с бронзовой диадемой и с отсеченной правой плечевой костью, правой нижней голенью и ступнями обеих ног; 5 – погребение младенца № 3; 6 – погребение мужчины № 10 на подсыпке из кремней; 7 – погребение младенца № 12; 8 – ритуально разрушенное погребение взрослого № 14 в культовой яме № 157; 9 – погребение новорожденного № 13 в красноглиняном кувшине; 10 – погребение ребенка № 11 в культовой яме № 87 в сопровождении костяков собак; 11 – грунтовой склеп № 2; 12 – погребение мужчины № 8; 13 – грунтовой склеп № 4; 14 – нижняя часть отсеченной правой ноги человека и ритуально разрушенный костяк собаки на дне культовой ямы

них с неустойчивой позой погребенных. Сходны и отдельные обрядовые элементы (подстилки, обкладка корой, досками, “подушки” под головами из камней, грунта или кошмы). Сопоставимы форма, глубина и ориентация погребений в подбоях и грунтовых ямах. На всех могильниках совпадает набор погребального инвентаря и единичны находки оружия. Общность погребального ритуала проявляется и в помещении в могилу или входную яму костей животных, а так же наличие поминально-тризновых ям с захоронением костяков собак [Малюкевич, Гудкова, 2013, с. 649]. Прослеживается и обрядовая общность и с позднескифскими памятниками где фиксируется некоторое присутствие сарматских традиций.

Святылище. Особенностью археологического комплекса Мологи является наличие полифункционального специально обустроенного святылища с разнотипными жертвенниками. Для святылища было выбрано центральное место на памятнике – между поселением и могильником, рядом, но, вне хозяйственно-жилой застройки. Оно было расположено на ровном плато и ограничено с северо-востока высоким (до 20 м) береговым обрывом, а с северо-запада и юго-востока глубокими оврагами с крутыми склонами такой же высоты (рис. 1, 2). Святылище Мологи, было расположено на специально выделенной территории и имело особые постройки и объекты небытового назначения. В настоящее время, раскопанная площадь центрального, еще полностью недоисследованного, участка святылища составляет 1000 м².

К признакам атрибутирующим данный объект как святылище относятся: комплекс из более 200 жертвенных ям, центральная часть скопления которых расположена между лабиринтом из одиннадцати ровиков, алтари-жертвенники, каменно-глинобитные тризновые площадки, очаги-кострища, переносные жаровни, небольшие зольники на поверхности, и ямы-зольники, участки прокаленного грунта, скопления целенаправленно уложенной в ямки и развалы керамики, отдельно стоящие сосуды, полуземлянки нежилого характера, остатки тризн из костей животных на поверхности, и ритуальные действия по отношению к захоронениям взрослых, детей и собак в культовых ямах. [Малюкевич, 1994 а; 2003; 2006; 2008].

Полных аналогий открытое нами святылище не имеет, поэтому остановимся на более подробном описании его составляющих.

Алтари-жертвенники, как наиболее значимые объекты, попределяющие наличие святылища, служили для сжигания жертвоприношений, воскурения благовоний богам, героям, предкам и совершения возлияний

при тризнах хтоническим божествам и умершим родственникам, а так же при церемониях связанных с общинными праздниками и ритуалами, приуроченными к сельскохозяйственным циклам. В зависимости от проводимого ритуала, использовались и различные по конструкции алтари.

Одним из центральных объектов для святылища Мологи, являлся большой очаг-жертвенник № 1, по краям которого были помещены пять лепных светильников [Малюкевич, Присяжнюк, 2000, с. 154; рис. 1, 2]. Очаг в плане овальной формы, размерами 2,2 x 1,9 x 0,3 м был преобразован из существовавшего ранее кострища. Находка *in situ* пяти светильников по бортам очага указывает на то, что находящийся на открытой площади большой очаг-кострище, использовался в ритуальных целях (рис. 4; 6, 12).

При жертвоприношениях использовались и небольшие очаги-кострища. Так, в районе центрального функционировало еще два очага меньших размеров. Очаг № 2 представлял собой чашевидное углубление диаметром 0,6 м, дно и стенки которого толщиной до 0,1 м прокалены до красного цвета. Он был возведен на площадке диаметром более 2 м прокаленного до 0,3 м в глубину глинистого грунта и был огражден поставленными на ребро крупными камнями (рис. 6, 14). Первоначально обрядовые действия, связанные с использованием огня, длительное время проходили на площадке, а позже стал использоваться очаг. Очаг-кострище № 3 представляет собой овальное 1,2 x 1,0 м, до 0,15 м углубление, заполненное продуктами горения с прокаленностью бортов до 0,1 м (рис. 6, 11). На северо-восточной окраине святылища зафиксировано еще два очага-кострища. Один в виде овального прокаленного и заполненного пережженной глиной углубления 0,6 x 0,8 x 0,2 м, другой – несколько больше: 1,2 x 0,95 м и чашей заглубленной в грунт до 0,3 м. Под очага был вымощен слоем мелких камней.

В 13 метрах севернее основного очага-кострища между неглубокими ровиками находился глинобитный алтарь-жертвенник с необожженной поверхностью (рис. 4; 6, 13). Он представлял собой возвышение в виде столлика высотой 0,2 м. В плане алтарь подпрямоугольной формы со сторонами 0,95 x 1,1 м – 1,15 x 1,3 м. Алтарный стол изготовлен из плотной беловатой глины толщиной 0,15 м. Над южным углом находился плоский камень. На алтаре, очевидно, производились бескровные жертвоприношения или помещались предметы культовой утвари. С его западной стороны раскопано несколько золистых углублений, в одном из которых обнаружено скопление в несколько десятков кремней.

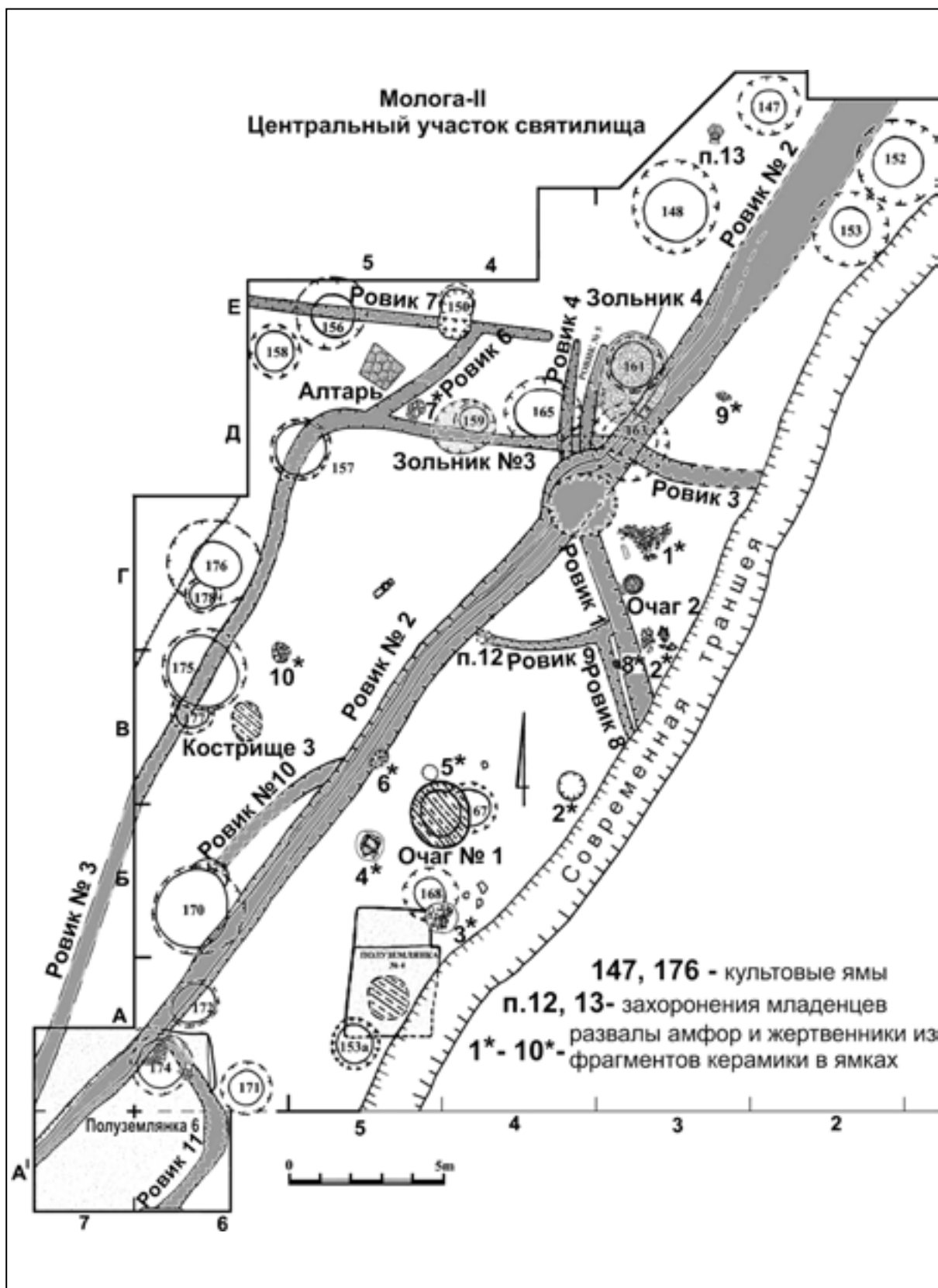

Рис. 4. Раскоп II. Объекты на центральном участке святилища

При проведении возлияний использовались жертвенники в виде небольших углублений с установленными в них горловинами амфор, либо выложенными в виде воронки стенками амфор или лепных сосудов. Такие жертвенники играли немаловажную роль в семейных верованиях [Шевченко, 2007, с. 163]. Их рассматривают как земляные алтари, служившие местом для отделения сакральных остатков от бытовой профанной территории [Javis, 1949, p. 130]. На святилище обнаружено восемь таких ямок с керамикой, из них пять в центре сакральной зоны, вокруг центрального очага. Они овальные в плане и чашевидные в разрезе с верхним диаметром от 0,75 до 1,2 м, диаметром дна от 0,4 до 1,1 м и глубиной 0,25 – 0,4 м. В четырех случаях, в ямки были помещены обломки только лепных горшков, в двух – верхние половины красноглиняных широкогорлых амфор. В одном – скопление состояло из фрагментов красноглиняного кувшина на воронковидном поддоне, красно и светлоглиняных амфор и лепных сосудов. Еще в одном – вертикально поставленная горловина красноглиняной амфоры, три горловины светлоглиняных амфор, обломки лепного горшка, венчик краснолаковой мисочки, плоский камень и комок красной охры (рис. 5, 1-6). Очевидно, некоторые из ямок просто заполнялись специально разбитой после жертвенных трапез и возлияний посудой [Русяева, 2005, с. 191]. Здесь же на поверхности выявлены и два развала (площадки) из фрагментов – красноглиняной и светлоглиняной амфор. Кроме того, на сопредельных участках обнаружены еще два развала керамики: красноглиняной амфоры и лепных сосудов, и два вкопанных отдельно стоящих лепных горшочка.

В сакральной зоне святилища обнаружено и семь зольников. Пять – это небольшие чашевидные ямки диаметром от 0,6 до 1,8 м при глубине 0,4-0,5 м. Все они заполнены золой и продуктами горения. В одном случае дно подмазано глиной. Находок в зольниках нет. Несомненно, такие небольшие зольники принадлежали отдельным семьям (рис. 6, 6-7).

Кроме семейных, зафиксировано и два больших общественных зольника № 3, 4 (рис. 4). Они расположены в непосредственной близости от глинобитного алтаря-столешницы. Зольник № 3 овальной формы размером 3,5 x 2,5 м с ровными бортами глубиной 0,4 м. Он перекрывает две более ранние жертвенные ямы. Заполнение – золистый грунт с включением древесных угольков. В нем обнаружены фрагменты лепной керамики, кости рыб и животных, в основном кальцинированные. Второй зольник № 4 размером 4,2 x 2,8 м глубиной 0,6 м. Заполнение – зола с прослойками древесного угля, краснообожженной

глиняной крошки и отдельные камни. Находки – немного керамики различных категорий, растиральник, каменное и глиняное пряслицо, каменный шарик, и бронзовый дупондий Антонина Пия (138-161 гг.).

Среди зольников и культовых ям находились и небольшие тризновые площадки. Они представляли собой округлые (до 0,1-0,2 м) углубления с ровным дном заполненные пережженной глиняной крошкой, поверхность состояла из слоя прокаленной глины (рис. 6, 1-2). Две площадки подпрямоугольной формы. Первая – размером 1,4 x 0,9 м заглублена в материк на 0,15 м. Ее основа состоит из трех слоев беловатой глины, где нижний прокален до красного цвета. Над площадкой мощный слой золы. Вторая – размером 1,5 x 1,2 м состояла из покрытых золой небольших плотно уложенных в один два слоя камней высотой до 10 см (рис. 6, 3, 5). Еще один жертвенник состоял из ямки диаметром 0,6 м и глубиной 0,35 м. Придонная часть из слоя коричневатого золистого грунта была перекрыта площадкой из плотной беловатой глины. Остальной объем ямки и пространство над ней были заполнены серой золой (рис. 6, 4).

В центре святилища все эти объекты располагались между одиннадцатью неглубокими ровиками, которые, казалось бы, бессистемно проложены в различных направлениях, но на отдельных участках они были соединены между собой и представляли преднамеренно созданный лабиринт (рис. 4; 12, 11). В разрезе ровики имеют форму перевернутой трапеции с шириной верха от 0,25 до 0,5 м, шириной дна 0,15-0,45 м, при глубине 0,2-0,35 м. На данный момент, ровики исследованы в длину от 4 м до 39 м. К основному ровику-траншее № 2 примыкают или связаны с ней все остальные ровики комплекса. Ширина верха ровика № 2 варьирует от 0,8 до 1,3 м, ширина дна 0,4-0,7 м и глубина 0,4-0,65 м (рис. 13, 4-7). Борты ровика № 1 были тщательно подмазаны глиной и слегка обожжены. Вероятно, предположить, что на поверхности ровики были перекрыты и по ним распространялся дым, выходя в определенных местах святилища. Это подтверждается и тем, что в неглубокой яме, служившей точкой соединения пяти ровиков, разводили большой огонь, и стенки их на данном участке оказались сильно прокалены. Очевидно, система ровиков так же входила в единый сакрально-архитектурный комплекс святилища. Еще одна отдельно стоящая глубокая траншея со ступенчатыми бортами обнаружена севернее центра святилища. Ее зафиксированная длина – 8 м, ширина верха 3 м, ширина дна 0,7 м, глубина 1,4 м. Между ровиками и на ближайшей площадке исследовано 53 жертвенных ямы.

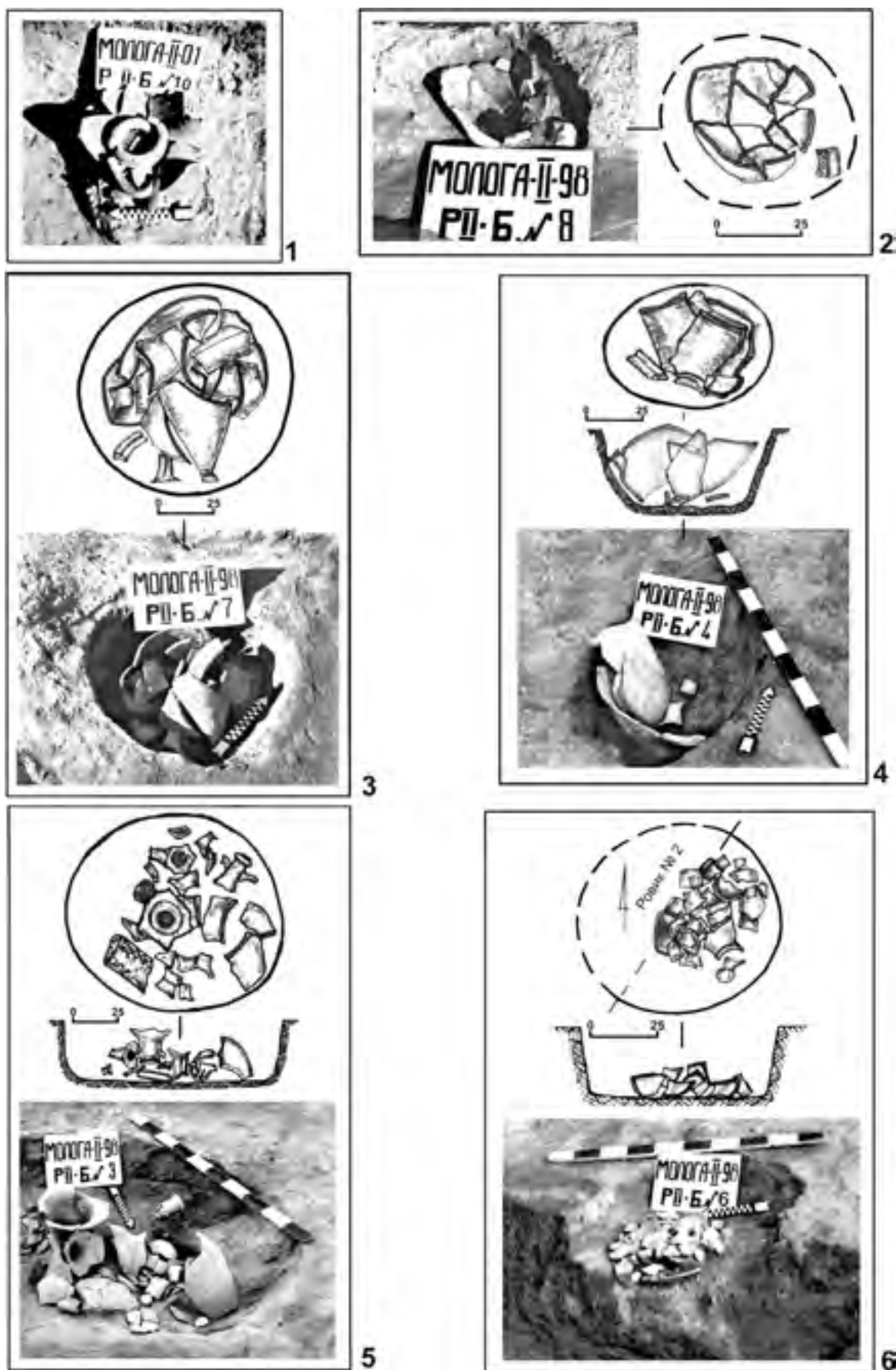

Рис. 5. Жертвенники, в виде обломков сосудов, целенаправленно уложенных в ямки.
 1 – № 10; 2 – № 8; 3 – № 7; 4 – № 4; 5 – № 3; 6 – № 6

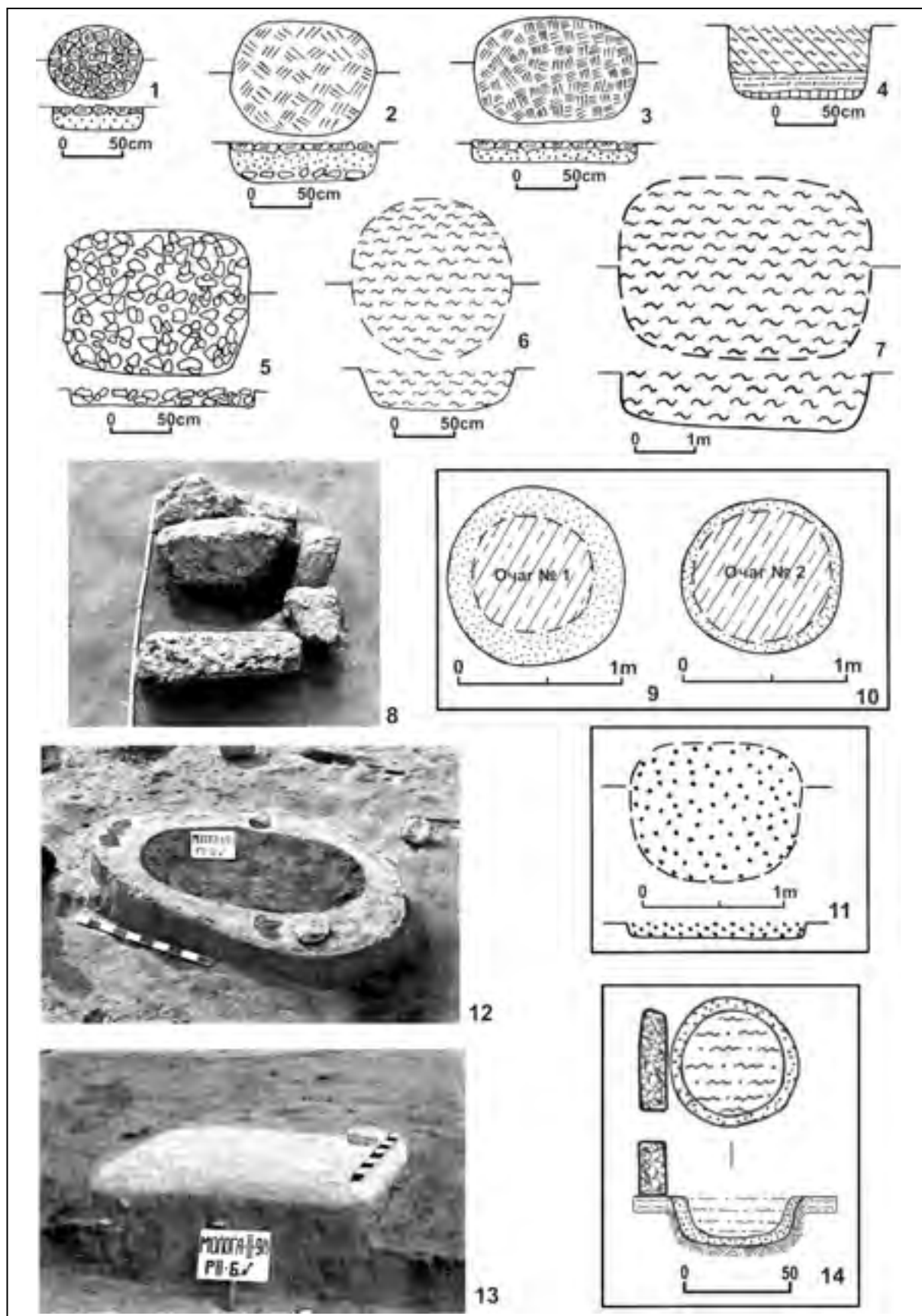

Рис. 6. Культовые объекты различных видов.

1-3, 5 – тризновые площадки; 4 – индивидуальный жертвенник; 6-7 – зольники; 8 – подалтарный пьедестал на раскопе VI-1; 9-10 – очаги-кострища на раскопе VII-7; 11 – очаг-кострище № 3 на раскопе II-Б; 12 – центральный очаг-кострище № 1 на святилище с пятью лепными светильниками; 13 – глинобитный алтарь в центре святилища; 14 – очаг-кострище № 2 на раскопе II-Б

Западный участок святилища. В тридцати метрах к западу, от центра святилища на раскопе VII-7 на площади 230 м² исследован еще один ритуальный комплекс. На данный момент там вскрыто 26 культовых ям и две ямы-зольники (рис. 2; 7). К блоку жертвенных ям примыкает большая (более 35 м²) площадка из беловатой глины толщиной 0,1 – 0,2 м, на которой на расстоянии в два метра один от другого были возведены два очага. Очаги диаметром 1,0 м, чашевидные в разрезе глубиной до 0,3 м вырыты непосредственно в площадке, борта их прокалены до красного цвета (рис. 6, 9-10). К югу и северу от очага № 1 была прорыта широкая от 1,0 до 2,8 м канавка глубиной 10-15 см, заполненная золой и перекаленной глиняной крошкой. Южная оконечность канавки примыкает к большому зольнику № 3 (рис. 7, 1).

Яма зольника № 3 цилиндрическая в разрезе глубиной 0,9 м с ровным дном диаметром 3,0 м. Объем зольника не ограничивался только параметрами ямы, так как зола продолжала складываться небольшим терриконом и поверх нее. В зольнике обнаружено 1190 обломков сильно фрагментированной керамики и другие находки. Можно выделить бронзовые: ключ-кольцо, обломок фибулы, бронзовый тирский ассарий императора Домициана (81 - 96 гг.) и сегмент еще одной монеты. По всей видимости, лишь в большие (относительно для Мологи) зольники сбрасывали не только золу во время отправления обрядов всей общиной, но и помещали обломки посуды, отдельные предметы или их символы и монеты.

Еще один небольшой зольник № 15 находился в 3,2 м южнее. Его основу также составляла неглубокая, заполненная золой яма диаметром 1,7 м. Слой золы прослежен и над ямой (рис. 7, 2). После окончания функционирования, на краю зольника соорудили небольшой алтарь. Над слоем обломков красноглиняной амфоры установили группу камней, которые в свою очередь были перекрыты площадкой 0,4 x 0,5 м из стенок и ручек такой же амфоры (рис. 7, 3 - 4).

Как жертвенники, использовались и большие переносные глиняные жаровни. Так рядом с очагом № 1 на глинобитную площадку поместили одну жаровню, а в шести метрах южнее другую. Данные жаровни полностью аналогичны обнаруженным в культовых ямах. Они изготовлялись округлой, но чаще подквадратной формы размером 0,8–0,9 м с вертикальным массивным бортиком. Высота жаровен 12 -17 см, а толщина пода 5-6 см. Формовались они из грубой глины с примесью половецкой (рис. 10, 29). В основном, они хорошо прокалены до красного цвета, но встречаются и «полуфабрикаты», когда обжиг слабый, не-

равномерный, а некоторые и вовсе просто подсушены и помещены в яму. Нужно отметить, что на поселении даже обломков жаровен практически нет, а все они выявлены только в культовых ямах, где служили обязательным атрибутом их заполнения.

Алтари-жертвенники вне святилища. Кроме алтарей на святилище, на территории поселения Мологи в одном из дворов раскопа III тоже был обнаружен жертвенный комплекс, состоящий из трех алтарей (рис. 13, 3). Жертвенник для возлияний № 52 представляет собой круглое в плане воронковидное сооружение из камней местного известняка. Изначально в грунте выкопали конусовидную яму и на дно ее поместили блок плотного мелкоструктурного песчаника толщиной в 13 см с просверленным конусовидным отверстием. Верхний диаметр отверстия 18 см, нижний 6 см. По периметру поверх блока в виде квадрата были поставлены четыре относительно крупных камня. Для одного из камней подосновы использовали обломок торцевой стенки ручной мельницы из гранита. Выше по окружности, борта ямки укрепили небольшими плоскими веерообразно уложенными камнями. Камни в четыре-пять рядов в высоту были положены насухо, весьма плотно, и местами в переплет. Высота (глубина) жертвенника 0,48 м, внешний верхний диаметр 1,0 м (рис. 12, 1; 13, 1).

В трех метрах к юго-западу был расположен еще один жертвенник для возлияний № 51 (рис. 12, 2; 13, 2). Он представлял собой небольшую ямку чашевидной в разрезе формы диаметром 0,5 - 0,55 м и глубиной до 0,2 м. По центру ямки, горловиной вниз была вертикально поставлена верхняя половина лепного горшка, окруженная обломками еще четырех горшков. Рядом поместили небольшой широкогорлый буролаковый кувшин. После засыпки ямки над ней, в виде реперного обозначения, поместили обломки толстостенного лепного горшка. Вокруг жертвенника так же выявлено большое количество обломков лепных сосудов.

В 0,7 м северо-восточнее жертвенника № 52 находится еще один жертвенник № 54. Это была площадка размером 0,7 x 0,35 м из стенок и венчиков двух светлоглиняных узкогорлых амфор и нескольких костей животных. С юго-запада развал был ограничен несколькими камнями и двумя обломками каменных растиральников округлой и подпрямоугольной форм (рис. 13, 3).

Еще один алтарь был обнаружен на раскопе VI между святилищем и поселением в районе, где рядом с культовыми ямами и даже перекрывая их, сохранились остатки каменных построек отдельной усадьбы. На этом участке среди строений проходила каменная

улица, с северной стороны которой и находился алтарь. Это был подалтарный «пьедестал» «П» образной формы из поставленных на ребро подгесанных каменных плит. Внешние размеры жертвенника – 0,84 x 0,7 м, высота 0,3 м. Верхняя плита перекрытия /столешница/ не сохранилась (рис. 6, 8).

Культовые ямы – жертвенники служили наиболее ритуально-предпочтительными объектами и местами для жертвоприношений в Мологе. Они отмечены на всей площади могильника, святилища и даже севернее и западнее поселения, вне жилых построек.

Ямы в плане округлой формы. В разрезе преобладают трапециевидные 43,2%, но с наличием невысокой горловины, грушевидные 17,4%, колоколовидные 13,6%, цилиндрические 10,6%, чашевидные 8,3%, боченковидные 3,8%, конусовидные 3,1%. Диаметр устья ям колеблется от 0,7 до 3,1 м, дна от 1,2 до 3,5 м, глубина от 0,6 до 3,5 м. На поверхности многие ямы были маркированы крупными камнями или каменными «пирамидами». Некоторые ямы относились к определенному погребению или склепу и выкапывались к моменту захоронения. Так, одна половина краснолаковой миски была помещена рядом с погребенным в грунтовой могиле № 8, а вторая – в поминальную яму расположенную рядом. На многих участках ямы размещены настолько плотно, что почти соприкасаются придонными частями, но очень редко врезаются одна в другую. В этом случае к содержимому более ранней ямы относились бережно, отделяя его камнями или глиняной подмазкой [Малюкевич, 1994, с. 120].

Большие ямы подготавливались весьма тщательно. Дно выравнивали, часто подмазывали влажной глиной, изредка подсыпали речным песком с примесью ракушек. В них разводили костер, обжигая дно и стенки. Иногда на дне, обычно вдоль бортов, устраивали жертвенник в виде площадки из стенок амфор или плоских камней, а в некоторых дно и нижняя часть забутовывалась крупными камнями. Отмечены также остатки тлена от кошмы (шкур) и циновок.

Практически все ямы имели заполнение, состоящее из перемежающихся остатков поминального пиршества и прослоек глины. Основная масса заполнения состоит из серого, сероглинистого и серозолистого грунтов насыщенного краснообожженной глиняной крошкой с прослойками или пятнами золы. Наличивают также древесные угольки, комочки желтой глины, прослойки коричневатого или беловатого тлена.

На дне ямы, как правило, находятся остатки первой, наиболее пышной и значимой тризны. Рядом на жаровнях, площадках и кострищах готовились поминальная еда, часть

которой вместе с золой и битой посудой ссыпалась в яму. При этом остатки каждой последующей тризны обязательно отделялись от предыдущей прослойкой желтой глины (рис. 8). В некоторых ямах удалось проследить до десяти тризн. Все эти артефакты свидетельствуют о том, что возможно, у обитателей Мологи был весьма развит обряд паренталий [Малюкевич, 1994, с. 204].

Во многих ямах обнаружено большое количество фрагментированной керамики. Но при статистических подсчетах необходимо учесть, что 19 ям были безынвентарными, 35 сильно разрушены, а в 23 найдено всего до двадцати мелких обломков посуды, которые могли попасть в яму случайно из культурного слоя. В процентном соотношении керамика из ям распределяется следующим образом: красноглиняные амфоры – 27,7%, лепная – 26,6%, светлоглиняные амфоры 17,7%, красноглиняные кувшины на воронковидном поддоне – 17,0%, краснолаковая посуда – 5,8%, красноглиняная столовая – 1,8%, серолощенная керамика – 1,0%, светлоглиняная – 0,8%, розовоглиняная – 0,7%, сероглиняная кухонная – 0,7%, красноглиняная кухонная – 0,2%. Единичными экземплярами представлены обломки красноглиняных пифосов.

В ямах довольно много обломков лепных сосудов, но практически нет сероглиняной и серолощенной керамики представленной на поселении в большом количестве. В наиболее богатых тризнах на дне ям устраивали жертвенник в виде уложенных, или поставленных вертикально, практически целых амфор, красноглиняных кувшинов, крупных обломков лепных сосудов. В некоторых случаях, при проведении последней тризны амфоры помещались в ней, или же в устье ямы (рис. 8, 1 - 2, 4 - 5).

В ямах с обильными тризнами обязательно присутствие целых или крупных частей красноглиняных кувшинов на воронковидном поддоне и амфор, большого количества лепной керамики, которая иногда превалирует над амфорной тарой. Устойчивым обычаем было помещение в яму целой или обломков одной или двух переносных жаровен, конусовидных крышек лепных сосудов, камней, галек-окатышей, кремней, каменных и глиняных шариков, раковин улиток или речной «перловицы». В наиболее пышных тризнах встречаются лепные светильники, миниатюрные лепные сосудики – (игрушки), курильницы, глиняные диски, глиняные «хлебцы», пряслица, пирамидальные грузила из необожженной, или слабопрокаленной глины, а также астрагалы, оселки, растиральники, конкреции керамического шлака, костяные рапшилы и проколки. Отмечены отдельные находки бронзовых фибул, браслетов, иголок,

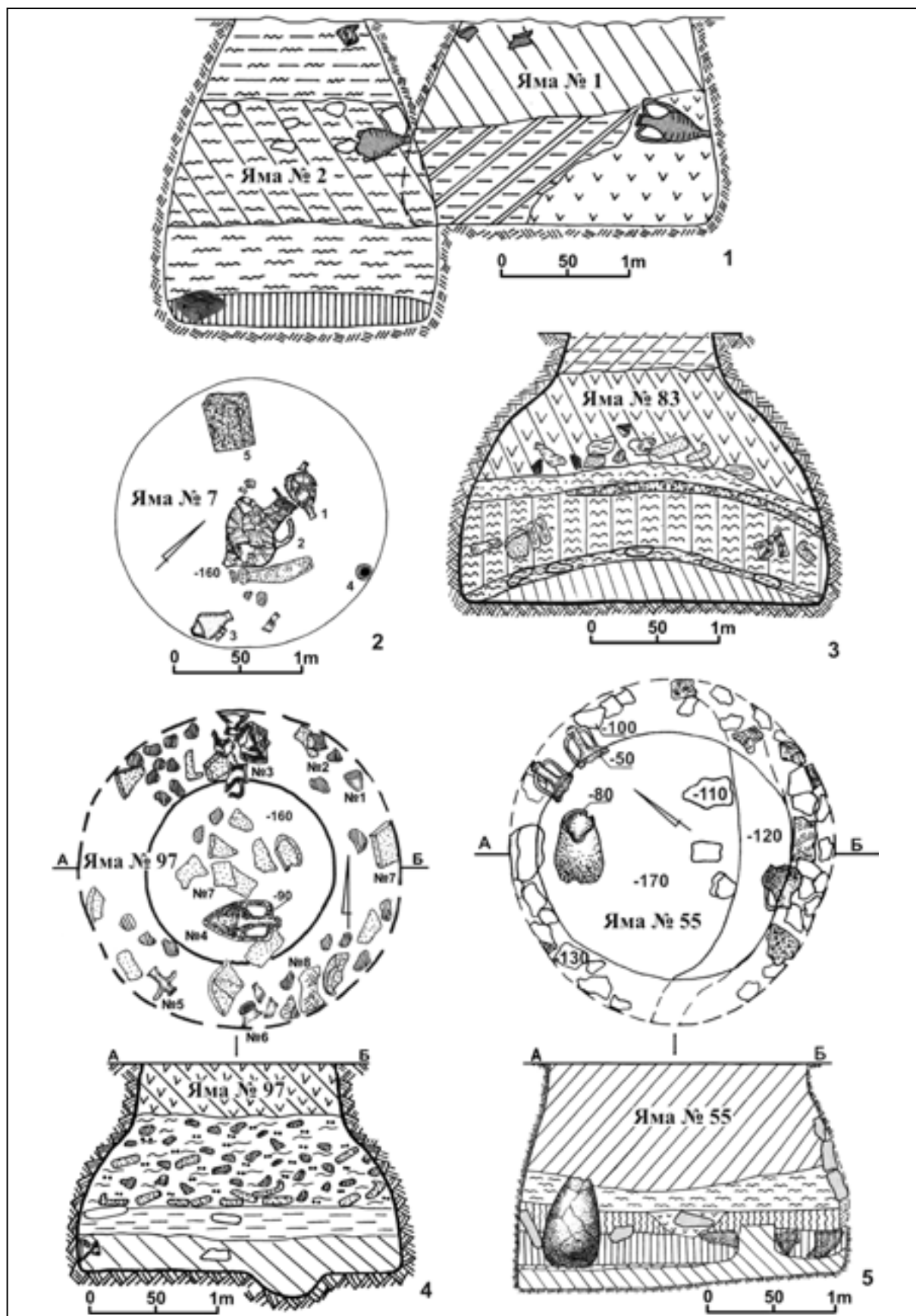

Рис. 8. Типы культовых ям.

1 – разрез заполнения ям № 1 и № 2 на раскопе VI-2; 2 – расположение сосудов в культовой яме № 7 раскопа II-1; 3 – разрез заполнения ямы № 83 на раскопе II; 4 – расположение находок и разрез заполнения ямы № 97 на раскопе II; 5 – расположение находок и разрез заполнения ямы № 55 на раскопе II

заклепок, железных гвоздей и ножей, свинцовые пластины, обломки стеклянных сосудов, бисер и бусины.

Наряду с традиционными жаровнями, изредка как жертвенники использовались и глиняные подносы округлой, или подквадратной формы с невысоким бортиком по краю. Они изготовлялись из тонкой глины, иногда слабо обожжены или просто подсушены. Их размеры 25 – 30 см, миниатюрные 8 x 9 см, а крупные до 50 см. Иногда использовались округлые, диаметром до 0,3 м, миски-жаровни из грубой сырцово-красной глины. Некоторые из них имели вертикальные ручки не снаружи, а внутри чаши (рис. 11, 11).

Изредка, в культовых ямах встречаются и votивные предметы неординарной формы. Это изделия из необожженной, или слабообожженной глины: столбик с углублениями на торце /подобие подсвечника/, прямоугольный блок с тремя углублениями, массивный круг с отверстием в центре, фигурка совы, комки глины с отпечатками пальцев, антропоморфная фигурка. Кроме того, найдены подставки в виде головы двуногого животного и в виде ноги животного с копытом, изделие из обожженной глины в форме многогранника или конуса (рис. 10, 25, 30, 14, 7).

Как и на некоторых позднескифских и гето-дакийских памятниках, в жертвенных ямах Мологи были обнаружены разбитые, так называемые, «очажные подставки», «рогатые кирпичи» или «коньки» с окончанием в виде головы животного или птицы. Но в Мологе найден и экземпляр не с прямым, а дуговидным закругляющимся корпусом и сохранившимся остатком пода. Возможно, два таких полукруглых сегмента использовались как переносные борта обкладки временного очага (рис. 10, 27). Все исследователи едины в том, что «коньки» имеют фракийское происхождение и культовое предназначение [Вязьмитина, 1962, с. 208 – 217; Гаврилюк, 2009а; 2009б]. Выяснилось и то что, все «коньки» были связаны с домашними алтарями, найдены с отбитыми в древности головами и играли магическую роль в обрядовых действиях. Очевидно, что тризноположение «коньков» в жертвенных ямах Мологи, как и «коньки» в домашних алтарях нижнеднепровских городищ указывают на проявление парциальной магии, *pars pro toto* – часть заменяет целое, а «коньки» символизируют переход между земной жизнью и потусторонним миром [Гаврилюк, 2012, с. 22, 25]. Несомненно, и то, что помещение в молодежские культовые ямы разбитых «коньков» несло семантическую замену кровавых человеческих жертвоприношений.

Как переносные жертвенники применялись и маленькие камни подквадратной формы с небольшим углублением. Один из таких

алтариков использовался весьма часто, так как внутренняя поверхность его со следами коפות и прокалена (рис. 10, 13).

Кости животных, в том числе кальцинированные, присутствуют во всех ямах. Но в отдельные ямы помещали части туш овец, коров, лошадей. Целыми обнаружены только одна туша коровы и много костяков собак. Среди жертвенных животных преобладали молодые особи (определение Секерской Е.П.).

Изначально тризны происходили в непосредственной близости от склепов, где исследовано уже более 130 ям. Позже создание ям было перенесено на соседнее плато, расположенное ближе к жилым постройкам, где погребения совершались уже только в одиночных грунтовых могилах. Здесь же и было организовано святилище.

Примечателен тот факт, что при рытье такого количества рядом расположенных ям, вся площадь должна была быть просто погребена под выбранным грунтом. Но этого не происходило, так как перед рытьем ямы, площадку для нее специально расчищали и почву снимали практически до материка, а грунт сбрасывали в береговые обрывы и овраги. Такая же практика очистки территории от выбранного грунта, но уже и при сооружении склепов, отмечена и в римском Никонии [Бруйко и др., 2008, с. 144–148].

Яма как основной объект жертвоприношений сама подвергалась определенным ритуальным действиям. Ведь яма это углубление – проникновение ниже бытового горизонта. Она предназначалась для жертвоприношений хтоническим богам и являлась полувиртуальной моделью «мини храма», где проводились обрядовые ритуалы, отделяющие их и приношения от профанного пространства. Приношения были не только votивные, но и в виде бытовых, часто пришедших в негодность, предметов, но которые в контексте происходящей церемонии несли в себе уже культово-семантическую нагрузку. Каждый продукт или процесс в поминально-погребальной обрядности становится синонимичным и сакральным во взаимосвязи земного и хтонического миров [Тульпе, Хршановский, 2002, с. 161-162].

Захоронения собак в культовых ямах. Еще одним важным, отличительным от других памятников, элементом обряда жертвоприношений в Мологе является массовое умерщвление и ритуальное захоронение собак. На данный момент в 26 ямах зафиксировано 36 костяков, черепа, и несколько отдельных костей собак. Все они обнаружены только в культовых ямах. В двух случаях по две собаки сопровождали захоронения младенцев, в двух – часть ритуально разрушенных костяков взрослых, в одной яме было погребено

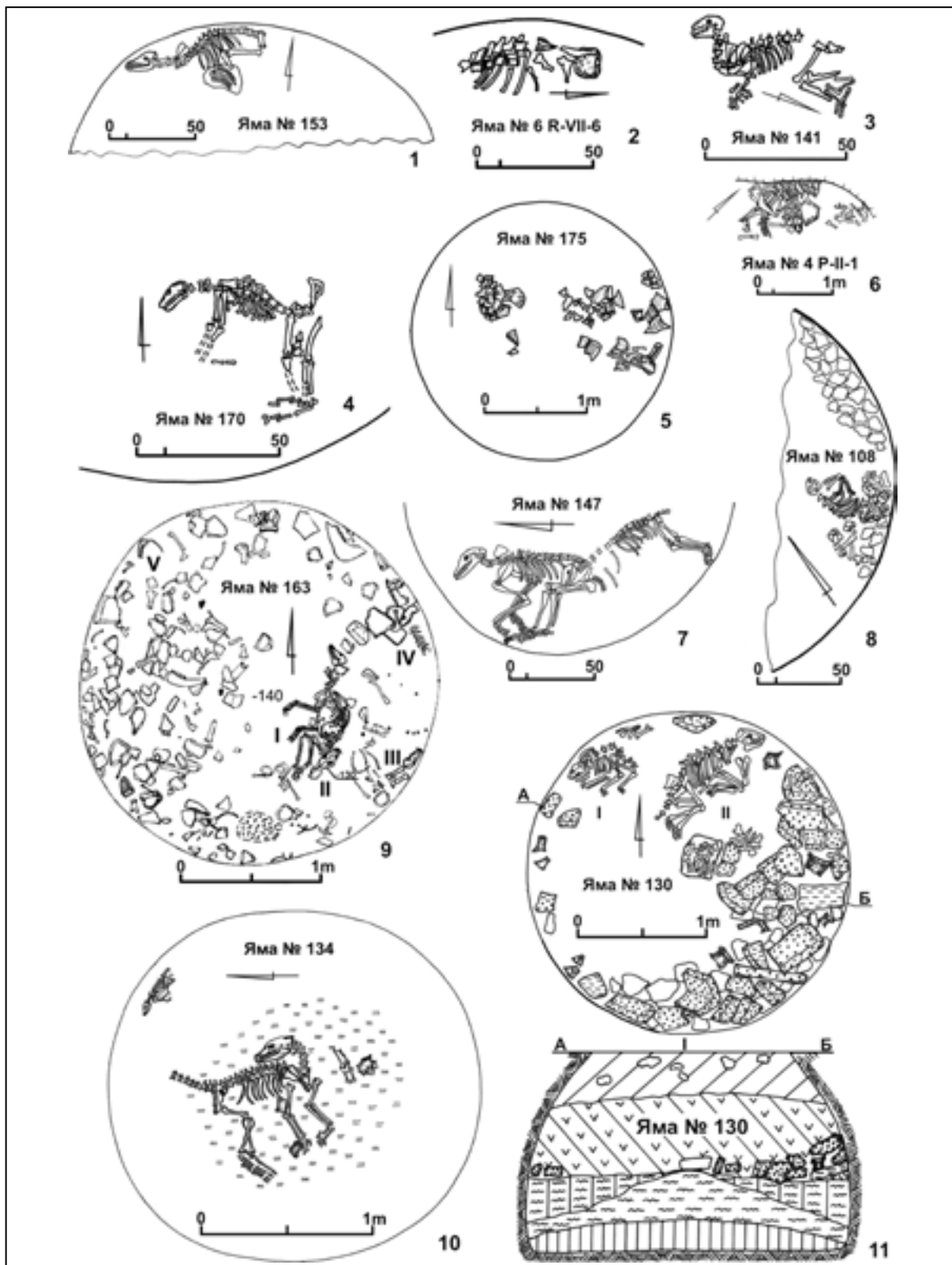

Рис. 9. Типы захоронений собак в культовых ямах Мологи.

1 – захоронение собаки в яме № 153, раскоп II-Б; 2 – фрагментированный скелет собаки в яме № 6, раскоп VII-6; 3 – костяк собачки на дне ямы № 141, раскоп II; 4 – костяк собаки в яме № 170, раскоп II-Б; 5 – вымостки из стенок амфор и костяк собачки в яме № 175, раскоп II-Б; 6 – костяк собаки в яме № 4, раскоп II-1; 7 – два костяка собак на дне ямы № 147, раскоп II; 8 – костяк собаки и маленького животного на вымостке дна ямы № 108, раскоп II; 9 – ритуально разрушенные костяки собак и целый скелет в яме № 163, раскоп II; 10 – маленькое животное и костяк собаки на площадке из органического тлена в яме № 134, раскоп II; 11 – разрез ямы и костяки собак и маленького животного рядом с вымосткой из трех разбитых жаровен в яме № 130, раскоп II

пять костяков собак, четыре из которых подверглись ритуальному разрушению. В некоторых случаях у животных отсекали головы и помещали их за спиной. Ямы с костяками собак составляют около 13% от всего количества раскопанных ям, или собак помещали в каждую восьмую культовую яму святилища и обычно в них находятся кости и других животных. [Малюкевич, 2003, с. 106].

Какой-либо закономерности в месторасположении ям с костяками собак не существует. Характер заполнения и керамический состав идентичен материалам ординарных культовых ям. Костяки собак примерно в равных количествах помещались по всем секторам ямы и только два скелета обнаружены в центре, а один в южной части ямы. Собаки укладывались вдоль бортов вплотную к стенкам ямы. Часто собаки помещались на каменные вымостки и перекрывались отдельными камнями, или крупными обломками амфорных стенок.

В ориентации скелетов превалирует северная с вариантами позиция положения животных. Всего три костяка положены в направлении на юг, но при этом их головы неестественно вывернуты назад за спину мордой на север (рис. 9, 10). Примерно в равных количествах собак укладывали на правый или на левый бок, реже на живот с наклоном вправо или влево. Большинство сохранившихся костяков придана поза явно агрессивного животного: собака в прыжке, собака, готовящаяся к прыжку, бегущая собака в различных стадиях бега. Единичны статичные позы стоящего или лежащего животного.

После погребения, часть костяков собак, в ямах, где их поместили более двух, были ритуально разрушены. Так, у трех костяков черепа вообще отсутствуют, у шести отсечены и смещены в сторону или к задней части туши, а в яме 165 находился только один череп.

На ближайшем позднескифском некрополе Никония в ямах были обнаружены четыре обезглавленных костяка собак и восемь обезглавленных же туш лошадей. А в одной из ям найден еще и просверленный астрагал собаки. Как и в Мологе, собаки были довольно крупными (51–61 см в холке), относились к группе охотничьих и наиболее близки современным пойнтерам [Бруяко, Секерская, 1994].

В это же время у сармат Буджакской степи захоронения собак, обнаружены всего в двух случаях [Фокеев, 1991, с. 58], и еще в четырех отмечены напутственная пища и захоронение туш животных [Дзиговский, 1993, с. 21]. Можно утверждать, что обитатели Мологи не могли позаимствовать такой обряд у соседей-сармат.

Жертвоприношения собак выявлены и на позднескифских памятниках Крыма. В некрополе Неаполя Скифского в девяти склепах вместе с погребенными обнаружено 18-19 собак и в четырех еще по одной кости [Сымонович, 1983, с. 41 - 79]. На Альма-Керменском городище в трех ямах обнаружены три костяка собак [Высотская, 1972, с. 38]. На Усть-Альминском некрополе собака была положена в склеп № 51, но в двух ямах под зольником было обнаружено в одной два, в другой 18 погребений собак, из которых отдельные особи оказались расчлененными [Высотская, 2001, с. 78 - 79]. На поселении Доброе на дне трех ям обнаружены захоронения собак [Колтухов, 1981, с. 261 - 262]. На Нижнем Днепре только в Золотобалковском могильнике вместе с погребенными обнаружено два костяка собак [Вязьмитина, 1972, с. 110-111].

В низовьях Дуная, на окраине посада I-III вв. н.э. бывшего фракийского городища Картал, было исследовано более трех десятков тризновых ям с присутствием в некоторых из них костяков собак. (Информация нач. экспедиции И.В. Бруяко).

Но значительные комплексы культовых ям, где широко распространен обряд жертвоприношений собак, являлся обычным для всей территории занимаемой фракийским населением, а также «варварами» Европы (кельты, иллирийцы, германцы) [Сырбу, 1996].

Очевидно, что для первых веков н.э. жертвоприношения собак оказались наиболее характерными для фракийцев и поздних скифов Нижнего Поднестровья и Крыма. А обитатели Мологи могли позаимствовать его у своих ближайших западных соседей. В Мологе нет собак, положенных в могилы – все они обнаружены исключительно в культовых ямах. Несомненно, что в данном регионе собака выступала как особо почитаемое жертвенное животное, и ее жертвоприношение было одним из основных ритуалов общей погребально-поминальной практики. Бесспорно, в Мологе мы наблюдаем яркое проявление реминисценции скифского обряда, где кровавые жертвоприношения человека были заменены умерщвлением и захоронением собак [Малюкевич, 2003, с. 110].

Святилищ с таким разнообразным спектром представленных жертвенников как в Мологе, среди памятников римского времени в Северо-Западном Причерноморье пока еще не зафиксировано.

Так на нижнеднепровских позднескифских могильниках только в Николаевском обнаружены восемнадцать, а в Золотобалковском – четыре почти пустых тризновых ямы. На городищах же известны только зольники [Высотская, 2001, с. 77]. А глинобитные площадки как домашние алтари обнаружены

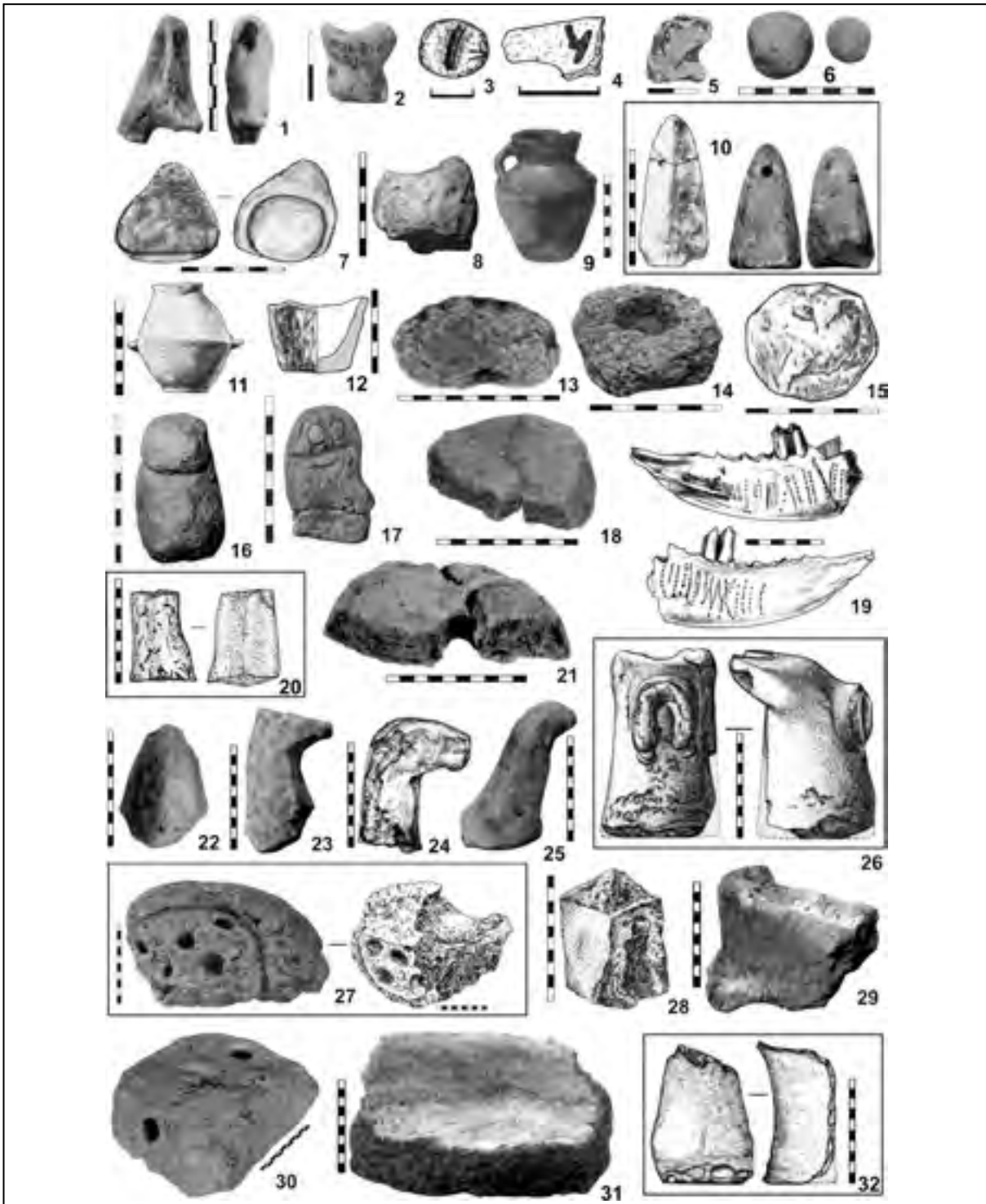

Рис. 10. Вотивные предметы из культовых ям.

1 – антропоморфная фигурка; 2 – миниатюрный сосудик; 3 – глиняный шарик с прорезью; 4 – граффити на кости; 5 – глиняное изделие (детская игрушка 7); 6 – глиняные шарики; 7 – конусообразная глиняная пробка; 8 – керамический цилиндр; 9 – лепной кубок; 10 – пирамидальные грузила; 11 – лепной горшочек; 12 – лепная чашечка; 13 – комок подсушенной глины с отпечатками пальцев; 14 – каменный алтарь; 15 – глиняный предмет из необожженной глины; 16 – орнитоморфная фигурка из необожженной глины; 17 – фигурка совы из необожженной глины; 18 – глиняный диск; 19 – нижняя челюсть коровы орнаментированная пунктирными насечками; 20 – фрагмент зооморфной фигурки из необожженной глины; 21 – фрагмент глиняного диска с отверстием в центре; 22 – обломок пирамидального предмета; 23 – верхняя часть “конька” в виде головы лошади; 24 – верхняя часть “конька” в виде головы овцы или лошади; 25 – часть в форме птицы; 26 – очажная подставка (алтарь) в форме двурого животного; 27 – глиняный цилиндр (подсвечник); 28 – ножка курильницы; 29 – фигурная часть переносного очага; 30 – глиняный блок с округлыми углублениями; 31 – фрагмент переносной жаровни; 32 – обломок очажной подставки (алтарь) в форме ноги животного

только внутри помещений и связываются с фракийскими традициями [Вязьмитина, 1962, с. 86; Гаврилюк, 2009, с. 150].

На крымских памятниках поодиноким тризны фиксируются во входных ямах могил или над сводами погребальных камер. Использовали так же углубления над провалившимися или разграбленными склепами [Пуздровский, 2007, с. 124]. В Неаполе отсутствуют жертвенные ямы, а остатки тризны зафиксированы только над царской усыпальницей в мавзолее [Погребова, 1961, с. 108]. Но на городище, обнаружен небольшой участок, где совершались обряды жертвоприношений домашних животных [Высотская, 1979, с. 168].

Близок моложскому комплексу усть-альминский, где на территории городища под зольником I - III вв.н.э., огражденным зигзагообразным ровиком, параметры которого соответствуют ровикам Мологи, было исследовано семь культовых ям [Высотская, 2001, с. 78]. Как непосредственно к жертвенным, можно отнести и 14 конских погребений среди могил некрополя [Высотская, 1994, с. 72].

Глиняные столики, алтари для возлияний с вертикально установленными горловинами амфор, каменные загородки над камнем с отверстием известны на городищах Альма-Кермен и Чайка, но внутри помещений [Высотская, 1972, с. 58; Попова, 1990, с. 196-198; рис. 1-3]. На могильнике Бельбек I зафиксированы остатки тризны в виде кучи камней, перемешанных с костями и пеплом. По глиняной площадке с остатками кострища, и по две-три жертвенные ямы обнаружены на некрополях Бельбек III и Заветное. На Скалистом III выявлено шесть ям, где дно и стенки их обмазаны глиной, а в одной прослежено пять глиняных прослоек между тризнами [Богданова, 1982, с. 38].

На окраине поселения Доброе вскрыто 23 хозяйственных ямы I в. до - III вв. н.э. В них найдены обломки лепных и гончарных сосудов, печина, бронзовые браслеты, три костяка собак и захоронение женщины [Колтухов, 1981, с. 261 - 262]. Но нам представляется, что обилие «хозяйственных» ям со структурным заполнением на окраине поселения с захоронением собак и человека, аналогично комплексу культовых ям в Мологе.

Специальных святилищ не существовало и на некрополях античного населения Боспора. Отмечены только остатки спорадических тризн и жертвоприношений среди склепов или могил. Наиболее распространенными общественными святилищами являлись зольники [Масленников, 1999, с. 126 - 129]. Но на некрополе Фанагории зафиксирована культовая яма первых вв. н.э., а рядом 16 «безы Inventарных» могил [Кобылина, 1951, с. 239]. Но судя по характеру заполнения, это были не

могилы, а, как и в Мологе, комплекс тризновых ям.

Жертвенников, подобные моложским, исследованы только на некрополях Илурата и Китея. Между погребениями были ритуальные площадки, локальные зольники, развалы керамики, врытые горловины амфор, «П» образные алтари перекрытые камнями с отверстиями, немного и небольшие тризновые ямы и жертвоприношения животных и собак [Хршановский, 2000, с. 242 - 246]. На китейском же святилище обнаружены алтари из поставленных на ребро плитовых камней и четыре ботроса первых веков н.э. [Молев, Молева, 2007, с. 221]. В Тиритаке, но уже на городище, исследованы ямы-ботросы и алтарь для возлияний, где часть амфоры была ограждена камнями. Такие алтари автор связывает с местными культурами [Зинько, 2007, с. 138].

В Ольвии так же пока не выявлено четко выраженного жертвенного комплекса относящегося к первым векам н.э. Но какие-то ритуальные действия происходили на территории заброшенных зернохранилищ, датирующихся I-III вв. н.э. [Крапивина, 1993, с. 51]. Среди ям зернохранилища № 1 был возведен деревянный алтарь, а с севера оно было ограждено глубоким рвом с проходившей по дну канавкой. Заполнение всех ям зольное с большим количеством керамики, камней и костей животных, а стенки некоторых были покрыты глиняной обмазкой. По формам, размерам и характеру заполнения, ольвийские ямы совершенно аналогичны моложским, к тому же в семи ямах найдены человеческие скелеты, а в двух захоронения собак - в одной два и в другой пять костяков [Крапивина, 1993, с. 52-59].

Вполне вероятно, что данное святилище было организовано позднескифским населением. Известно, что скифы участвовали в восстановлении Ольвии после гетского разрушения. В.В. Крапивина приходит к мнению, что жители Ольвии и ее округи, а так же их потомки вместе с населением, вероятно, нижнеднепровских городищ, где они укрывались от гетского разгрома, восстанавливают город и образуют новую гражданскую общину [Крапивина, 1993, с. 143].

Но, практически идентичные, моложскому святилищу комплексы, часто расположенные вне могильников и поселений и состоящие из скопления ям, траншей, очагов, глинобитных жертвенников, тризновых площадок, ритуальных жертвоприношений животных, собак и людей В. Сырбу выделил как специфический тип памятников, широко распространенный у даков Румынии. Он документировал более сорока таких пунктов, где в ямах зафиксированы останки 161 человека, а среди жертвенных животных преобладают (47%) костяки собак.

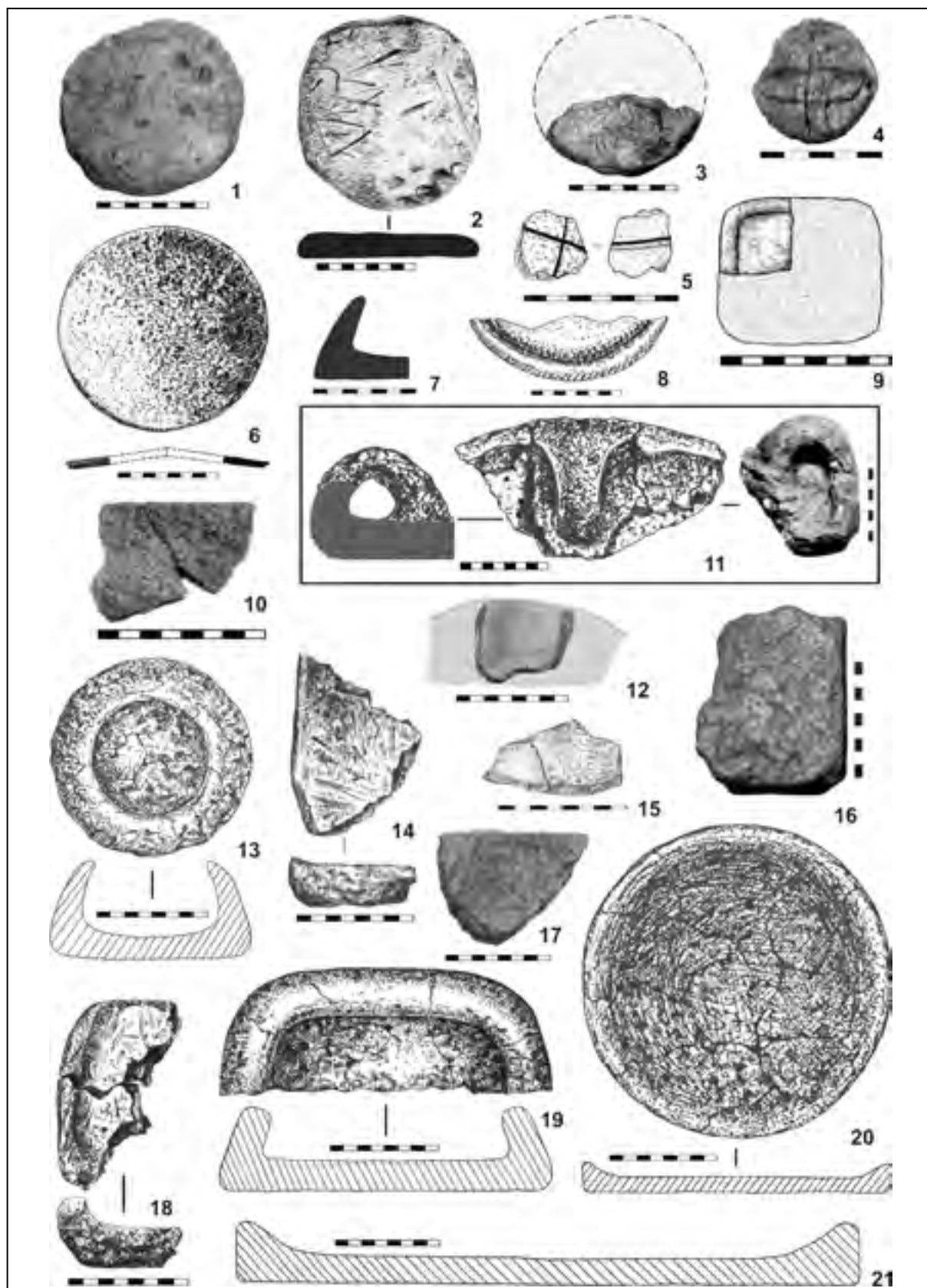

Рис. 11. Глиняные «хлебцы», диски, площадки.

1-2 – «хлебцы»; 3, 6, 12, 15 – диск; 4 – диск с соляным знаком; 5 – диск с орнаментом; 7 – жаровня; 8, 17-19 – фрагменты «подносов» из подсушенной глины; 9 – фрагмент подставки (алтарика); 10, 14, 16 – фрагменты площадок из подсушенной глины; 11 – фрагмент «подноса» (алтаря) с ручкой из грубой сырцово́й глины; 13 – переносная жаровня из грубой сырцово́й глины; 20-21 – круглые подносы (алтари) из прокаленной глины

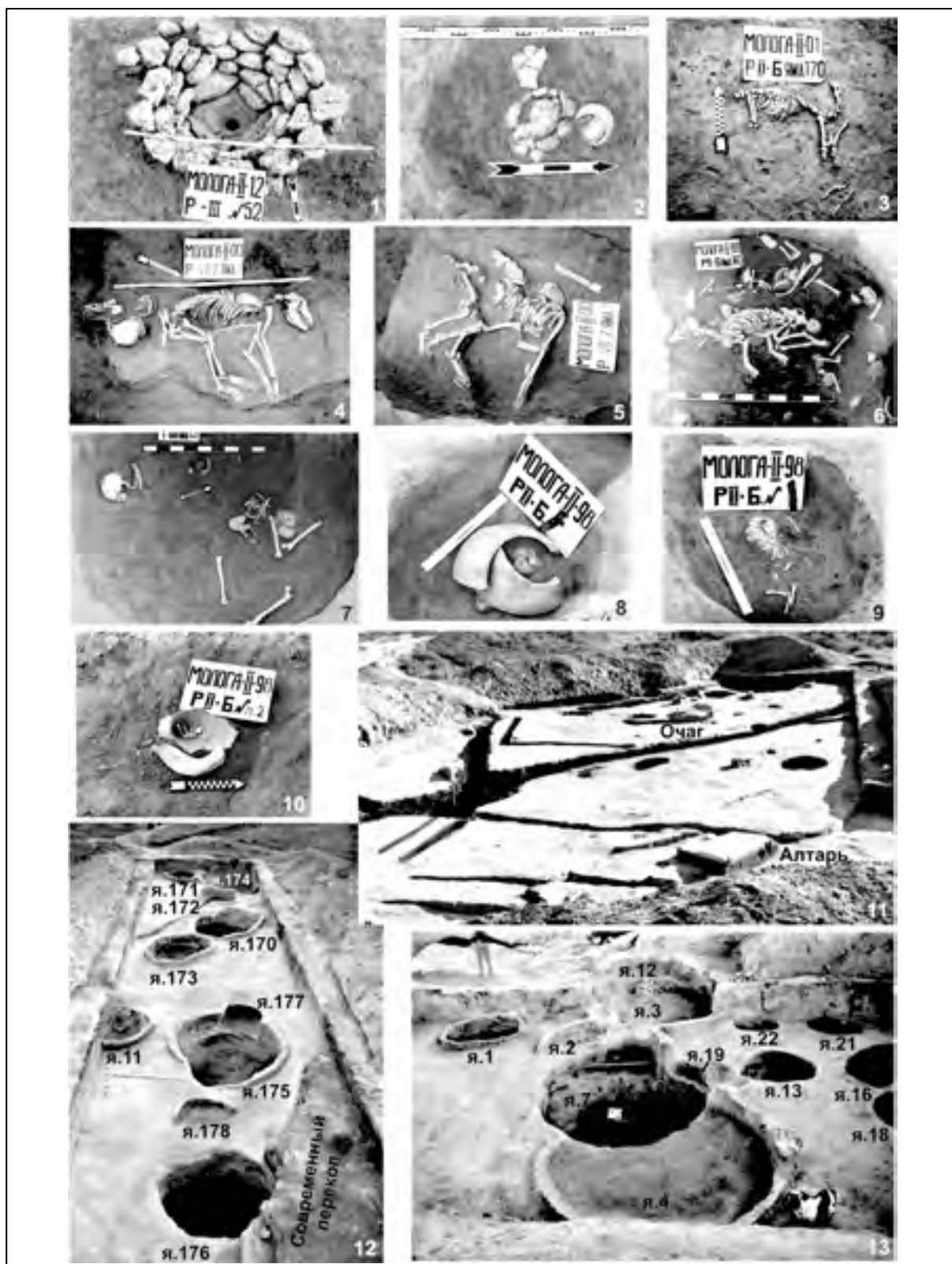

Рис. 12. Культурные объекты.

1 – каменный жертвенник № 52; 2 – жертвенник № 51; 3 – костяк собаки в культовой яме № 170; 4 – погребение младенца и собаки № 1 в культовой яме № 7; 5 – костяк собаки № 2, который перекрывал погребение младенца в культовой яме № 7; 6 – костяки собак в культовой яме № 163; 7 – ритуально разрушенный костяк взрослого в культовой яме № 157; 8 – погребение младенца № 12; 9 – погребение младенца № 12 после снятия перекрывающих амфорных стенок; 10 – погребение новорожденного № 13 в красноглиняном кувшине; 11 – система ровиков, очаг № 1 и алтарь в центральной части святилища; 12 – комплекс культовых ям в центре святилища; 13 – комплекс культовых ям на западном участке святилища

Большая часть из них датируется II в. до н.э. – I в. н.э., и включает от нескольких десятков до нескольких сотен ям, заполнение которых указывает на преднамеренный характер возложения материалов и жертвоприношений. [Sirbu 1993, p. 31, 49, anexa 4, 11; Sirbu, 1994, p. 51 - 56; Sirbu, 1996, p. 8–15, fig. 45–62, 125–132, anexa 1, 5 - 10]. Но такие же памятники не менее широко представлены и на территории южной Фракии в Болгарии [Балабанов, 1985, с. 223 - 228; Гинев, 2000, с. 8; Милчев, 1956, с. 486; Овчаров, 1961, с. 63]. Однако, наиболее близкие аналогии комплексу Мологи прослеживаются в культуре карпов II - IV вв. н.э., где так же зафиксированы сосредоточения ям со сложной структурой заполнения и обилием разнообразного материала практически идентичного моложскому [Bichir, 1973; Bichir, 1976, p.6 и сл., fig. XVI - XVIII, XXX - XXXV]. Но, нужно отметить, что глинобитные жертвенники, «коньки» и тризновые площадки находились внутри помещений.

До недавнего времени, Молога представлялась таким себе единственным уникальным объектом позднескифских древностей на западном берегу Днестровского лимана. Но дальнейшими изысканиями было установлено, что ближайшим позднескифским памятником II-III вв. н.э. является поселение Веселое III, расположенное в 12 км к северу от Мологи. На нем, исследовано каркасно-глинобитное строение и часть святилища, которое состояло из площадки, с трех сторон П-образно огражденной глинобитными стенками. Внутри располагался глинобитный алтарь диаметром 0,35 - 0,4 м и высотой 0,35 м. Рядом находилась тризновая площадка овальной формы 2,8 x 2,2 м, сохранившаяся в виде слоя краснообожженной глины мощностью 15-20 см. Вокруг площадки выявлено три ямы. Севернее находилось подквадратное углубление 1,5 x 1,0 x 0,3 м, с двумя заполненными золой выемками и очагом диаметром 0,8 м, а рядом пять ям. В комплексе и вокруг него исследовано 24 культовых ямы и локальные небольшие зольники. Ямы заполнены серозолистым пыльным грунтом с включением краснообожженной глиняной крошки. В них найдено небольшое количество фрагментированной керамики, но иногда фиксируются скопления лепной керамики и развалы лепных же сосудов. В ямах обнаружены кости животных, череп и челюсть коровы, панцири черепах, а так же лепное и халцедоновое пряслица [Малюкевич, 1991, с. 125–126; Малюкевич, 1992, с. 54–55].

Западнее в Буджакской степи разведано 130 памятников I-III вв. н.э., на которых практически отсутствует культурный слой, и фиксируются они по площади распростране-

ния фрагментов амфор и лепной керамики аналогичной моложской [Гудкова, 1983, с. 5].

Так на «поселении» Волчья Балка II – первой половины III вв. н.э., при отсутствии жилищ, на площади в 850 м² обнаружено скопление и отдельно расположенные ямы, в заполнении которых много керамики, костей животных и продуктов горения. Рядом развал керамики, среди которой целый и несколько раздавленных лепных сосудов, много костей животных и фрагмент затылочной кости человеческого черепа [Паламарчук, 1982, с. 126].

На «поселении» Холмское II жилищ нет, но на площади до 2000 м² вскрыто 53 круглых и одна подпрямоугольная в плане яма. Заполнение ям: чернозем, вкрапления желтой и кусочки краснообожженной глины, измельченные кости животных, мелкие камни, прослойки продуктов горения. Среди керамического материала преобладают обломки лепных сосудов скифского облика. На поселении Староселье в одной из ям найдено три целых узкогорлых светлоглиняных амфоры первой половины III в. н.э. Кроме того, по несколько десятков подобных ям исследовано на памятниках Старые Трояны III, Главаны III, Каменское III, Нагорное III, Белолесье, Хаджидер I. На поселениях Дракуля I и II, Главаны IV и Ташлык V обнаружен только редкий разброс керамики без следов жилищ и хозяйственных ям. [Фокеев, 1982, с. 119 - 124; Фокеев, 1987, с. 16 - 17; Гудкова, Фокеев, 1984, с. 66].

Исследователи все ямы интерпретировали как хозяйственные, принадлежащие стойбищам кочевников и оседающего на землю населения [Гудкова, 1983, с. 10; Гудкова, Фокеев, 1984, с. 68; Фокеев, 1987, с. 19:]. И это несмотря на то, что не существовало ни самих поселений и населения, которое бы занималось этим самым хозяйством. Несомненно, что объекты, где исследованы только комплексы ям со сложной структурой заполнения и с преобладанием скифоидных лепных сосудов, явно принадлежат «полям ритуальных ям» и небольшим, подобным моложскому, святилищам.

На левом берегу в низовьях Дуная на фракийском городище Картал /с. Орловка/ с середины I до середины III вв. н.э. существовал римский кастель. В предместье форты исследовано более двух десятков крупных ям римского времени. Ямы заполнены золистым рыхлым грунтом обильно насыщенного углем, кусочками обмазки, большим количеством костей животных и керамикой, в том числе и местного дакийского производства, а рядом обнаружен могильник [Бруяко, 2013, с. 543–551].

Еще одно поле ритуальных ям исследуется на левобережье низовий Днестра, напротив Мологи у с. Маяки. При отсутствии поселения

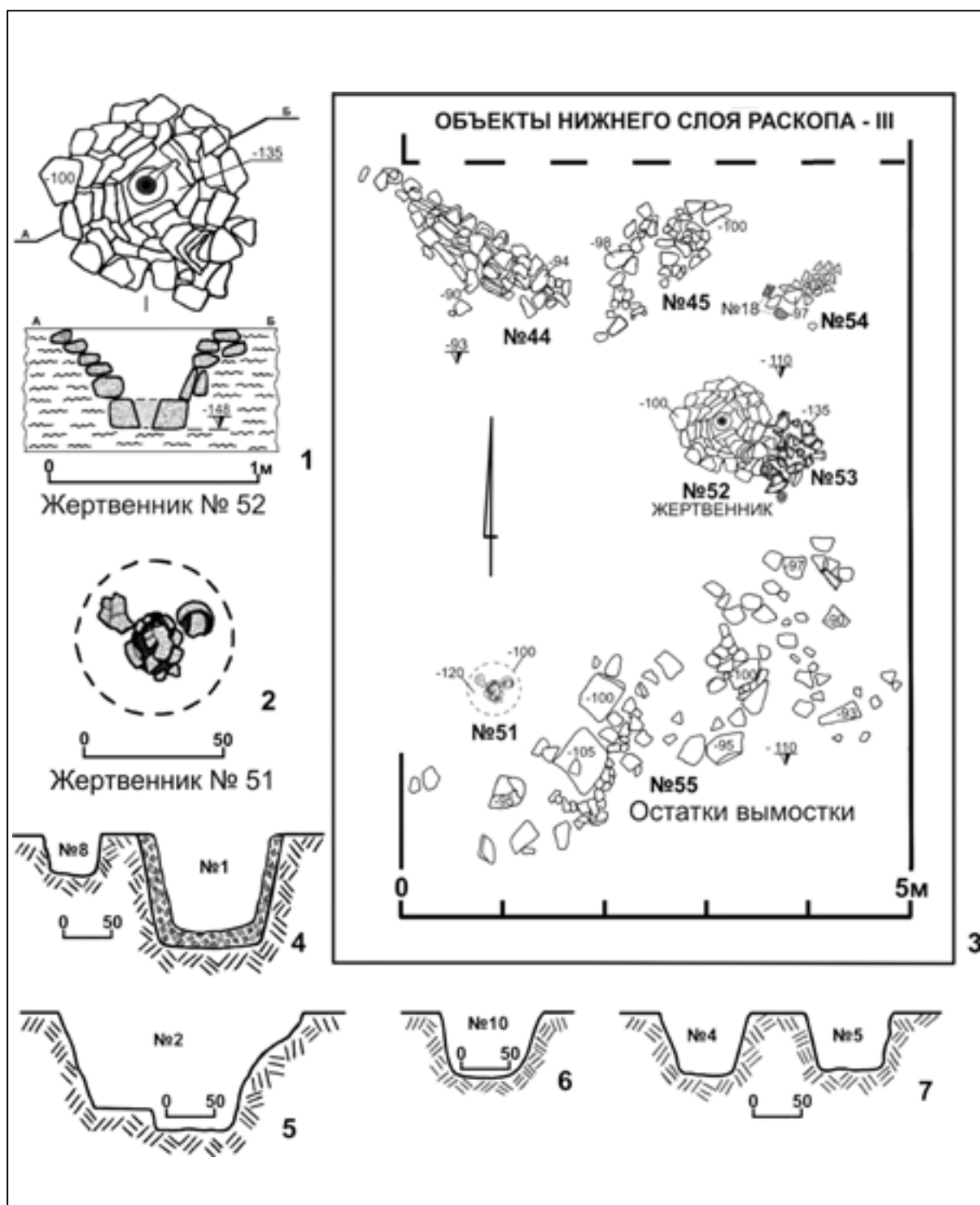

Рис. 13. Объекты на южном участке раскопа III.

1 – каменный жертвенник № 52; 2 – жертвенник № 51 в виде обломков лепных сосудов и буролакового кувшина; 3 – объекты нижнего слоя раскопа III: 44, 45, 55 – строительные объекты; 51, 52, 54 – жертвенники; 53 – скопление обломков лепных сосудов эпохи поздней бронзы под жертвенником римского времени; 54 – жертвенник в виде развала фрагментов светлоглиняных амфор; 18 – растиральники; 4-7 – разрезы ровиков на святилище

там вскрыто уже более трех десятков жертвенных ям первых веков с развитой структурой заполнения и преобладанием лепной керамики позднескифского типа. (Информация нач. экспедиции Петренко В.Г.).

На левом же берегу Днестровского лимана на позднескифском поселении I–III вв. н.э., на месте древнего Никония так же обнаружен комплекс поминально-жертвенных ям с напутственной пищей из костей различных животных. Но данные комплексы приурочены к склепам [Бруяко и др., 2008, с. 148–152].

Далее к востоку, в степях между Тирой и Ольвией, известны более сорока памятников первых веков н.э., относящихся к позднескифской культуре. На 15 из них обнаружены характерные ямы с подобным моложскому керамическим комплексом, что не исключает наличия и на этой территории полей ритуальных ям [Малюкевич, Гудкова, 2013, с. 644].

Подводя итоги можно сказать, что такого специально организованного, многофункционального, с развитой структурой активно функционирующего святилища как в Мологе, нет ни на нижнеднепровских ни на крымских позднескифских, а так же и на античных памятниках римского времени. Во фракийском мире поля культовых ям присутствуют повсеместно, но отдельно выделенных святилищ с разнотипными жертвенниками, пока неизвестно. Однако, кроме скопления тризновых ям, остальные группы алтарей-жертвенников Мологи типологически близки жертвенникам некрополей античного населения Крыма.

В Мологе наличествуют разнообразные жертвенники, традиционно используемые в культовой практике позднескифского, эллинистического, и фракийского этносов, и наблюдается сочетание этих различных обрядовых традиций. В Северо-Западном Причерноморье Молога оказалась на стыке двух основополагающих культуробразований того времени: западной – фракийской (гето-дакийской) и восточной – антично-позднескифской.

Географическое положение, наличие полуземлянок, лепной керамики и глиняных изделий фракийского облика, специфического жертвенного комплекса с обилием поминально-тризновых ям с ритуальным погребением животных, людей и собак значительно сближает Мологу с гето-дакийскими памятниками первых веков нашей эры. Безусловно, среди обитателей поселения проживала группа этнических гето-даков, которые и привнесли с собой практику создания такого культового комплекса и придали позднескифскому населению Мологи колоритную фракийскую окраску [Малюкевич, 1992].

Важно отметить, что если общая площадь памятника 12,5 га, а площадь непосредственно поселения всего 2,2 га, то площадь святи-

лица с комплексом жертвенных ям шесть раз больше территории занятой под жилищно-хозяйственные постройки поселения. Судя по плотности расположения ям и зондажным раскопам, количество ритуальных ям может достигнуть тысячи.

Молога представляет собой уникальный ритуально-культовый комплекс, каждая из частей которого в полной мере свидетельствует о сакральном характере памятника. Можно утверждать, что и жилая зона Мологи также является частью этого комплекса. На её незначительной площади, как и в отдельных полуземлянках на святилище, могли разместиться лишь несколько хозяйств, принадлежавших «обслуживающему персоналу» святилища – жрецам-авгурам [Малюкевич, 1999, с. 118]. Совершенно очевидно, что огромное количество ритуальных ям нельзя связывать с умиравшими обитателями жреческого сословия. Бесспорно, что такое грандиозное святилище, прежде всего, предназначалось для отправления традиционных обрядов населением обширного региона.

Молога – это единственный пока известный, сакральный центр всего позднескифского населения Днестро-Дунайского междуречья. Все же остальные небольшие памятники с материалами подобными Мологе, Никонию и Веселому, несомненно, необходимо отнести к позднескифской культуре и, возможно выделить их как Буджакская степная группа памятников с наличием элементов фракийского этноса

Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. – 1957. – Вып. 1. – С. 94–142.

Балабанов П. Фракийское святилище возле Дебелта // *Thracia Pontica*. – *Sozopol*, 1985. – III. – С. 221–237.

Богданова Н.А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. – 1982. – Вып. 54. – С. 31–39.

Бруяко И.В. Городище Картал (римский кафель у с. Орловка) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 2013. – С. 543–553.

Бруяко И.В., Дзыговский А.Н., Секерская Н.М. Никоний римской эпохи. – Одесса, 2008. – 223 с.

Бруяко И.В., Секерская Е.П. Фауна из некрополя Никония первых веков н.э. // Древнее Причерноморье. – КСОО. – Одесса, 1994. – С. 252–255.

Высотская Т.Н. К вопросу о позднескифских зольниках // РА. – 2001. – № 3. – С. 77–87.

Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. – К., 1979. – 207 с.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. – К., 1972. – 192 с.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994. – 207 с.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. – К., 1972. – 190 с.

- Вязьмитина М.І.* Золота Балка. – К., 1962. – 239 с.
- Гаврилюк Н.А.* Про час появи фракійців у Нижньому Подніпров'ї // Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи. – Київ–Львів, 2009. – С. 148–165.
- Гаврилюк Н.А.* Фракийці в Нижньому Поднепров'є (по матеріалам Золотобалківського поселення) // Міжнародні відносини в басейні Чорного моря в скифо–сарматське і хазарське часи. – Ростов–на–Дону, 2009а. – С. 169–186.
- Гаврилюк Н.А.* Фракийці в Нижньому Поднепров'є // Stratum plus – № 3. – 2005–2009, 2009б. – С. 114–142.
- Гаврилюк Н.А.* Об особенностях верований фракийского субэтноса нижнеднепровских городищ III в. до н.э. – II в. н.э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. – Тирасполь, 2012. – С. 21–27.
- Гинев Г.* Тракийски могили при село Кралево, Търговищко. Варна, 2000. – 143 с.
- Гудкова О.В.* Поселення перших століть нашої ери в степах Північно–Західного Причорномор'я // Археологія.–1983.– № 42. – С. 3–10.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М.* Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо–Западном Причерноморье. – К., 1982. – С. 55–113.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М.* Поселения первой половины I тыс. н.э. на степной речке Дракуля (низовья Дуная) // Северное Причерноморье. – К., Наукова Думка. – 1984.– С. 67–73.
- Дзиговский О.М.* Сарматы на заході степового Причорномор'я на прикінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. – К., 1993. – 203 с.
- Зинько В.Н.* Культурно–сакральные объекты Тиритаки первых вв. н.э. // Боспорские чтения VIII. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 137–140.
- Кобылина М.М.* Раскопки Южного некрополя Фанагории в 1947 г. // МИА. – 1951 – № 19. – С. 236–240.
- Колтухов С.Г.* Охранные раскопки поселения Доброе // АО за 1980 г. – 1981. – С. 261–262.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура I–IV в. н.э. – К., 1993. – 184 с.
- Малюкевич А.Е.* Жертвенные захоронения собак в моложском могильнике // Древнее Причерноморье. – Одесса, 2003. – С. 105–111.
- Малюкевич А.Е.* К вопросу о погребальном обряде могильника Молога // Проблемы скифо–сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1989. – С. 79–81.
- Малюкевич А.Е.* К вопросу о полуземляночных постройках Моложского некрополя // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья. Тез. Докл. – Белгород–Днестровский, 1995. – С. 32–34.
- Малюкевич А.Е.* Комплекс погребально–поминальных тризн моложского могильника // Проблемы скифо–сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1994. – С. 119–121.
- Малюкевич А.Е.* О торговых контактах поселений Нижнего Поднепровья в первые века н.э. // Северо–Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – К., 1991.– С. 71–82.
- Малюкевич А.Е.* Обряд захоронения детей на памятнике римского времени Молога II // КСОО. – Одесса, 2008. – С. 172–183.
- Малюкевич А.Е.* Обряд паренталий моложского могильника // Древнее Причерноморье. КСОО. – Одесса, 1994 а. – С. 200–204.
- Малюкевич А.Е.* Полуземлянки поселения Молога–II // КСОО. – Одесса, 1999. – С. 108–120.
- Малюкевич А.Е.* Святые места позднескифской Мологи // Древнее Причерноморье.– Одесса, 2006. – С. 140–144.
- Малюкевич А.Е.* Фракийские элементы в культуре позднескифского населения Днестровского лимана // Археологический вестник. – Запорожье, 1992. – № 3. – С. 30–32.
- Малюкевич А.Е.* Этнические признаки погребального обряда могильника Молога II // Древности Причерноморских степей. – К., 1993. – С. 94–101.
- Малюкевич А.Е., Гудкова А.В.* Поздние скифы Северо–Западного Причерноморья // Древние культуры Северо–западного Причерноморья. – Одесса, 2013. – С. 644–657.
- Малюкевич А.Е., Присяжнюк А.Н.* Лепные светильники позднескифской Мологи // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья: Материалы полевого семинара. – Тирасполь, 2000. – С. 154–162.
- Масленников А.А.* Сельские святилища античного Боспора // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира.– СПб, 1999. – С. 125–133.
- Милчев А.* Археологически проучвания на Севлиево и Троянска // ГСУФИФ.– 1956– L. – кн. I. – С. 445–539.
- Молева Н.В.* Некоторые итоги археологических исследований Китейского святилища // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб. 1999. – С. 121–125.
- Молев Е.А., Молева Н.В.* Комплекс культовых зданий на юго–восточной границе китейского городского святилища (раскопки 2005–2006 гг.) // Боспорские чтения VIII. Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты. – Керчь, 2007. – С. 219–225.
- Овчаров Д.* Могилни погребения при с. Д. Росица, Търговищко // Археологія. – 1961.–III.– кн.– 4. – С. 54–72.
- Паламарчук С.В.* Поселение первых веков нашей эры Волчьей Балка // Памятники римского и средневекового времени в Северо–Западном Причерноморье. – К., 1982. – С. 125–131.
- Погребова Н.Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. – 1961. – № 96. – С. 103–213.
- Попова Е.А.* Позднескифские жертвенники с городища «Чайка» // СА. – 1990. – № 3. – С. 196–303.
- Присяжнюк А.Н., Малюкевич А.Е.* Тризнные ямы моложского могильника // Буковинський історико–етнографічний вісник.– Чернівці, 2001. – Вип.3. – С. 92–94.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007. – 480 с.
- Русева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. – К., 2005. – 558 с.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства. – К., 1983. – 174 с.

Сырбу В. Святилища с пожертвованиями и жертвоприношениями во фракийском мире эпохи железа // Міжнародні зв'язки народів Європи. – Запоріжжя, 1996. – С. 166–167.

Тульпе И.А., Христановский В.А. Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. – СПб., 2002. – Ч. I. – С. 161–167.

Фокеев М.М. Поселение первых веков нашей эры Холмское II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. – К., 1982. – С. 119–125.

Фокеев М.М. Памятники первых веков нашей эры в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс.н.э. – К., 1987. – С. 16–25.

Фокеев М.М. Позднейшие могильники сарматского времени в степи между Днестром и Дунаем // Древности Юго-Запада СССР. – Кишинев. – 1991. – С. 56–64.

Христановский В.А. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности европейского Боспора II в до н.э. – IV в. н.э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. – Москва, 2000. – С. 241–252.

Шевченко Т.М. Алтари семейной религии античного Херсернеса // Боспорский феномен: сакральная смысловая нагрузка региона, памятников, находок. – Санкт-Петербург. – 2007. – С. 162–168.

Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (Постановка проблемы) // МИА. – 1971. – 177. – С. 127–143.

Bichir Gh. Archaeology and history of the Carpi // BAR. Supplementary Series 16 (II). – 1976. – P. 4–38.

Bichir Gh. Cultura carpică. – București, 1973. – 412 p.

Sirbu V. Credințe și practici funerare, religioasă și magică în lumea geto-dacilor. – Galati, 1993. – 253 p.

Sirbu V. Dava getică de la Gradistea Județului Braila I. – Braila, 1996. – 308 p.

Sirbu V. Incinte și locuri sacre cu sacrificii și depuneri de ofrande în lumea geto-dacilor // Pontica. – Constanta, 1994. – XXVII. – P. 39–59.

Javis C. G. Greek Altars. – Saint Louis, 1949. – 243 p.

О.В. Малюкевич

МОЛОГА – САКРАЛЬНИЙ ЦЕНТР ПІЗНІХ СКИФІВ БУДЖАКА

Вперше докладно представлено археологічний комплекс Молога, що датується I–III ст. до н.е. Наводиться характеристика всіх складових комплексу: невеликого поселення, могильника та власне, святилища, його олтарів, культових ям, ям з ритуальними похованнями собак. Проводиться порівняльний аналіз майже повністю дослідженої пам'ятки з подібними комплексами Нижнього Подніпров'я, Криму, пам'ятками фракійської культурно-історичної спільності. Наводиться короткий опис та характеристика інших пам'яток цієї групи, які утворюють західний осередок розповсюдження пізньоскифської культури.

Ключові слова: святилище, олтар, культова яма, ритуальні поховання собак.

O. V. Maliukevich

MOLOGA – SACRED CENTER OF LATE SCYTHIANS FROM BUDZHAK

For the first time in details is presented archaeological complex of Mologa that is dated by I–III c. AD. In the article there are introduced the characteristics of all the components of the complex: a small settlement, burial ground, mainly sanctuaries of its altars, religious pits, and pits with ritual dog's burial. The comparative analysis of almost completely explored monument with similar complexes of Lower Podnirovyia, Crimea, Monuments of the Thracian cultural and historical community is given. A brief description and characteristics of other monuments of that group is given, which form western cell proliferation of late Scythian culture, which can be called as Budzhak variant of late Scythian culture.

Key words: Mologa, altar, religious pit, ritual dog's burial.

Одержано 4.04.2015